

Дан Берг

Ничья

*А князь тем ядом напирал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.*

А. С. Пушкин, “Анчар”

1. Город Бург и его обыватели

Возвещая наступление дня, над горизонтом показалось небесное светило, и первые его лучи скользнули вдоль прекрасной и счастливой земли. Круглый диск медленно выползал из ночного укрытия, посылая тепло и радость жителям планеты.

- Алеет восток! – романтически восторженно воскликнул часовой на башне городской стены.
- Красное солнце в небе! – отозвался второй караульный с соседней сторожевой вышки.
- Красное солнце в моем сердце! – провозгласил третий воин.
- Тихо, бойцы! Взгляните-ка вон туда, разводящий смену ведет! – крикнул четвертый.
- По домам, гвардейцы, и спать! – скомандовал подошедший сержант, сменив часовых, - не забывайте, в полдень сегодня ярмарка и народное гуляние. Всем прибыть в парадной одежде, с женами и без опозданий!
- Есть! Есть! Есть! Есть! – с готовностью прокричали четыре окончивших вахту стража и бойко зашагали каждый к своему дому.

Итак, благие обитатели цветущей страны Бургандии, главный город коей назывался национальным именем Бург, встретили новое утро бесконечной череды животворных дней. Хотя, нельзя не признать – солнце равно озаряет и добрых и злых.

За городскими стенами столицы широко раскинулись дивные луга. Яркая зелень травы веселила глаз. Синева прозрачной воды в ближнем озере манила прохладой.

Государственные, они же и столичные власти, важные подробности о которых мы узнаем чуть позже, назначили местом проведения праздника цветущий луг между озером и городской стеной. Было сооружено деревянное возвышение для оркестра и танцев, разбиты торговые палатки, расставлены столы и стулья – места хватит всем!

Дальний берег озера начинался у подножия пологого холма. Ближе к воде росли кусты. Их сменяли деревца редкого леса, который, чем выше, тем гуще становился, делался солиднее, темнее.

Городские мастера изготовили множество прогулочных лодок. К концу праздника, когда стемнеет, и зажгутся расставленные вдоль берега фонари, желающие смогут получить напрокат скромное судно с веслами и за умеренную почасовую плату совершить озерный круиз.

Заметим, что зеленые луга вокруг городской стены и голубое полноводное озеро – это всего лишь живописное предместье Бурга. Оно составляет ничтожно малую часть территории колоссальной по размеру страны Бургандии, управляемой могучей волей столичной власти, с ее длинной рукой и широкой дланью.

“Велика страна моя родная!” – ежедневно напоминают себе жители Бургандии, и это справедливое утверждение полнит их сердца праведной гордостью за свое племя. Когда нехватна глазом земля, то и хранимые ею богатства неиссякаемы. Люди обильно черпают добро из бездонных подземных кладовых, однако не гнут выю перед природой. Они по праву полагают, что безмерные пространства и богатства родины есть законно причитающаяся им плата за высоту исконно самобытного народного духа. Безмерно наслаждение иметь то, что, по мнению других и худших, тебе иметь не положено.

Излишне говорить, что изобилие земных глубин освободило счастливых обитателей благодатной страны от ярма чрезмерного труда. Не было бургандцам нужды работать до седьмого пота ради материальных благ – они и без того лились полным потоком. А если и недоставало чего, то нехватка возмещалась сознанием духовного величия.

Власти Бурга любили точность и привили эту полезную черту горожанам. Поэтому ровно в полдень, расположившийся на упомянутом деревянном возвышении оркестр заиграл гимн страны, созывая жителей. Впрочем, приученный к исполнительности народ уже собрался на лугу и ожидал открытия гуляния и ярмарки.

Две дюжины молодых, крепких и дисциплинированных мужчин в штатском разместили в центре луга вытянутый в длину составной стол и накрыли его белой скатертью. Вдоль стола с одной его стороны установили тридцать прочных стульев с мягкими сидениями, высокими спинками и подлокотниками безопасности. Скатерть украсили луговыми цветами в вазах, против каждого стула поставили пластиковую бутылку с чистой озерной водой и хрустальный стакан.

Те же мускулистые парни с серьезными лицами водрузили высокую трибуну между длинным столом и публикой. Затем они расстелили по зеленому лугу алую ковровую дорожку от Шатра Совета до стола и далее к трибуне. На этом, кажется, их роль была исполнена, и по команде старшего они построились и удалились.

Из Шатра Совета показались тридцать старейшин – управляющие городом и страной. Число сих достойных людей, равное числу стульев, не случайно, ибо, согласно Уставу страны Бургандии, каждый век ее существования отмечается увеличением на единицу количества членов Совета Старейшин. Отсюда пытливый читатель путем несложного математического расчета может сделать заключение о возрасте государства.

Совет Старейшин составлялся исключительно из долгожителей Бурга и Бургандии. При этом от кандидата в члены Совета требовались медицинские свидетельства о наличии у него тяжелых и

неизлечимых болезней. Народ с глубоким пониманием относился к этому странному на первый взгляд условию, являвшемуся, по существу, выражением мудрости здравого смысла. Ведь только человек, сознающий свою обреченность и глядящий в глаза скорой кончине, способен истинно заботиться о благе народа, ибо он не думает о ставших ненужными ему мошне и карьере. С другой стороны, радеющий о других отдаляет жало смерти и уже при жизни сливается с вечностью.

Старейшины уселись на стулья, каждый налил немного прозрачной воды из своей бутылки в свой стакан и, кто жадно, а кто нехотя, отпил. Достоянейший из них, самый пожилой и недужный, бережно ведомый под руки двумя советниками, прошел к трибуне, встал спиной к коллегам и лицом к публике, разложил перед собою листы с текстом речи и вполне внятно заговорил.

Глава Совета Старейшин поздравил жителей города с наступлением ежегодного праздника и с открытием ярмарки, пожелал собравшимся любви, радости, процветания и побед. Сказал много вдохновляющих и одновременно теплых слов. С гордостью отметил достигнутый в последние столетия беспрецедентный уровень нравственности, нашедший выражение в высочайшем престиже семьи на шкале общечеловеческих ценностей. В заключение речи оратор напомнил собравшимся единственную цель деятельности Совета: “Всё во имя человека, всё для блага граждан Бурга и Бургандии!”

По окончании тожественной части вновь заиграл оркестр, зазвучала легкая патриотическая музыка. Знакомые нам стражники, свободные от несения службы в этот день, уселись вместе со своими женами за одним круглым столом. Потекла неспешная беседа. Неподалеку высилась впечатляющих размеров бочка с пивом. Каждый подходил к ней, открывал кран и бесплатно наполнял граненую кружку емкостью в одну пинту. Количество подходов властями не ограничивалось.

Рядом располагался стол поменьше. За ним сидели два весьма благородного вида гражданина, видимо, близкие знакомые. Они обсуждали забавное приключение, произошедшее с одним из них на прошлой неделе. Стражникам и их женам рассказ показался интересен, они смолкли на время и обратились в слух.

- Представляешь, дружище, - начал первый обыватель, - сижу, значит, я на пороге дома, размышляю на отвлеченные темы. Темнеет, надвигается ночь. Из кухни доносится блаженный запах жареного мяса – жена готовит ужин.

- Идиллия, да и только! – перебил второй обыватель.

- Не торопись, дорогой, лучше послушай. Вдруг, в нарушение идиллии, из-за угла показывается осел, а на нем восседает некий путник. Усталое животное едва переставляет ноги, того и гляди – заупрямится и остановится, мол, ни шагу вперед! Наездника тоже лихим не назовешь: лицо кислое, словно плакать приготовился.

- Вот досада-то! Ужин на столе, а тут какой-то бродяга аппетит отбивает! – заметил второй.

- И я чуть было так же не подумал, - сказал первый, - однако ты знаешь меня – я человек сострадательный, всегда рад помочь ближнему в беде. Спросил странника, не нуждается ли он в чем?

- Зря спросил. Себе в ущерб.

- Погоди, сейчас узнаешь, что дальше было. Как я и думал, осел встал намертво – ни тпру, ни ну. Хозяин его спешился и жалобно так обратился ко мне: “Еду я издалека, и еще долгий путь у меня впереди. Хотел заночевать в твоём городе, но никто из хозяев не впустил меня в дом. Может, ты сжалишься надо мной, добрый человек?”

- Жалобы на бедствия только увеличивают их. Ты, известное дело, душка, всегда уступаешь, я знаю, но жена-то у тебя женщина практичная. Неужели она согласилась принять в дом бродягу?

- Ошибаешься, дружище. Практичный – это я, а супруга моя – женщина, лишённая фантазии. Я сделал ей знак держать язык за зубами. Сам же говорю незнакомцу: “Удивительно, что хлебосольные наши горожане не оказали тебе гостеприимства. Наверное, твой язык был им непонятен. Я же с радостью предоставлю тебе ночлег, ни за что не допущу, чтобы хороший человек остался ночевать на улице!”

- Смазку получает самое скрипучее колесо в телеге. Эх, и мягкое же у тебя сердце!

- Да брось ты! Послушай лучше, что сказал мне странник: “У меня харч свой, и для себя и для осла. Место мне дай у порога. А завтра с восходом солнца я бесшумно исчезну, тебя не побеспокою!” А я ему: “Пища для тебя и для скотины – на мой счёт, и за ночлег я с тебя ничего не возьму! Прошу к столу, ужин готов!”

- Ну и ну! А супруга-то что?

- Супруга глаза вытаращила и молчит, как ей велено. Она у меня послушная. Дисциплиной в семье умеряем индивидуализм. Потом я развязал добротную веревку, которой была прилажена к телу осла цветная вышитая попона, и обе вещицы повесил сушиться в дальней комнате. Скотину отвел в хлев. Отужинали мы, побеседовали о том о сем, и я устроил путника на ночь, уложил его на мягкую постель. Утром только он собрался уходить, а я говорю ему, мол, поживи у меня второй денек, никакой платы с тебя не возьму, уж больно ты мне нравишься. Польщённый, гость согласился и остался ещё на день.

- Теперь догадываюсь, задумал ты что-то остроумное!

- Догадываешься? Наконец-то! Лучше поздно, чем никогда. Миновали ещё сутки. Дорогой мой гость сытно ел и сладко спал. Следующим утром он твердо решил продолжать путь и спросил, где веревка и попона.

- Ага, вот тут началось самое интересное!

- Самое интересное ждёт нас впереди, а то, что началось – тоже занимательно. Отвечаю, значит, я своему гостю, мол, веревка и попона приснились тебе на мягкой постели, а он возражает, дескать, были они наяву, и просит вернуть. Тогда я и говорю ему: “Почтенный, да будет тебе известно, что я являюсь лучшим толкователем снов в Бурге и авторитетно пророчу тебе столь же долгую и добрую жизнь, сколь длинна и добротна приснившаяся тебе веревка. А виденная тобою во сне цветная попона означает цветущий сад, владельцем коего ты непременно станешь!”

- Гость, конечно, растаял от заманчивых посулов и бросился благодарить, уступая тебе веревку и попону!

- Не тут-то было! Упрямец продолжал твердить, что не видел он никаких снов и требует назад своё имущество. Тут я ему гневно говорю: “Другой бы на моем месте взыскал плату за

двухдневный постой и солидную мзду за благоприятное истолкование сна, а я по широте души не взял с тебя ни гроша. Неблагодарный! Собирайся, пойдем к городскому судье!”

- Ты, кажется, заикался когда-то, что судья друг тебе?

- Верно. У меня много полезных друзей. Однако внимай дальше. Судья принял нас. Выслушал сперва истца, потом меня. Я незаметно подмигнул вершителю правосудия. Тот изрек: “Ты, чужестранец, кругом не прав. Во-первых, сон тебе толковал искуснейший в этом ремесле человек. Во-вторых, ты ему не заплатил. И, в-третьих, вел себя непотребно. Посему с тебя причитается законная плата: треть твоему благодетелю за еду, постель и объяснение сна, и две трети в городскую казну – штраф за дерзость и судебные издержки. Выкладывай сто двадцать золотых и получи расписку!”

- Подчинился твой гость вердикту судьи?

- Подчинился, деньги выложил, но стал буянить, замахнулся на меня, ну и я не смолчал. Судья кликнул стражу: “Вывести обоих!” Охранники взяли чужака под белые руки и поволокли к двери, а меня тихонько подтолкнули в спину. На сей раз, пришла очередь судьи подмигнуть мне, и я, выходя, незаметно сунул ему в карман половину своей доли и расписку не попросил.

- Недурное дельце вы с судьей провернули. А гость твой куда подевался?

- Я его больше не видел. Думаю, он к нам в Бург навряд ли еще раз явится. А попоной-то его я своего осла укрывать стал!

Стражники со вниманием слушали увлекательный диалог. Когда история окончилась, бойцы захлопали в ладоши. “Правильно, нечего чужакам потакать!” - сказал один из них. “Да ведь инородцы шуток не понимают!” - поддержал второй. “Смекалкой и лихостью мы, бургандцы, все нации превосходим!” – добавил третий. “Не только умом, но и широтою души нет нам равных на земле!” – подтвердил четвертый. Женщины, по обыкновению, были согласны с мужьями.

“Спасибо, служивые! Только в народе, полагающим себя выше всех прочих племен, живет дух истинного патриотизма. Пьем за ваше здоровье!” – дружно воскликнули двое друзей за соседним столом.

После нескольких кружек доброго пива бойцам и их женам захотелось размять ноги, посмотреть, чем торгуют в палатках. Компания остановилась у одной из них. За прилавком стоял торговец бижутерией и галантерейными товарами. Опытный глаз коренного обывателя Бурга легко узнавал в купце иноземца, скорее всего жителя недружественного города Дрора.

Супруга одного из стражей заинтересовалась платком, спросила, можно ли рассмотреть получше. Купец охотно позволил ей примерить. Другая подошедшая гражданка пожелала разглядеть поближе колечко и стала прилаживать его на палец, с разрешения продавца, разумеется. Свободному в этот день от службы сержанту понравился галстук, и он тут же принялся вязать узел под одобрительные слова торговца.

Вокруг палатки собрался народ. Люди бойко брали с прилавка понравившиеся им вещи, примеряли, смотрелись в зеркало, советовались друг с другом. Купец радовался славному началу торгового дня, помогал выбирать товар, подсказывал, зазывал новых покупателей.

Как-то вдруг толпа у палатки поредела, и в одну минуту никого, кроме компании стражников с их женами, да знакомого нам сержанта, не осталось. Купец недоуменно глядел на опустевший прилавок. Исчезли добрые люди, каждый, что держал – то и унес. “Что происходит в этом городе? – возопил не привыкший к обману гражданин Дрора, – покупатели товар взяли, а денег не заплатили!”

- А за что платить-то? – удивился первый боец.
- Не мелочись! – ободрил купца другой стражник.
- Добрые люди не без спросу брали! – крикнул третий.
- Сам давал, сам разрешал, а теперь платы домогаешься, обманщик! – рассердился четвертый.
- Убирайся в свой Дрор, мошенник! – гневно воскликнул разводящий сержант.

Шум привлек любопытных. Разобравшись в чем дело, люди возвысили голос. Апеллируя к властям, они требовали арестовать иноземного агента, а самые справедливые готовились применить рукоприкладство. Защищая чужака от самосуда толпы, бойцы скрутили ему руки за спиной и потащили подальше от места народного гуляния. “Ты легко отделался, аферист!” – крикнул сержант вслед уносившему ноги дрорцу. Остатки товаров бесстыдного пришельца были справедливо поделены между порядочными гражданами Бурга.

С наступлением темноты пришло долгожданное время торжества любви. Этот последний этап праздника начинался танцами под оркестр. Сделав несколько неуверенных па, плясуны спешили взять напрокат лодки и освежиться водной прогулкой. За весла садился мужчина, женщина – напротив.

Легкие суденышки плыли по направлению к дальнему берегу озера. Причалив, гребцы и их спутницы выходили на берег. Двое в каждой лодке являлись, как правило, законными мужем и женой, представляли разные супружеские пары. Романтическая душа бургандца держалась того мнения, что одноликость не в ладах с полнотой жизни, а домашнее достояние наличествует всегда.

Чем больше насчитывалось прожитых лет за плечами у влюбленных, тем дальше в темный лес углублялись они. Молодежь держалась свободнее. Ступив на сушу, нетерпеливые в своих стремлениях отроки и юницы не теряли времени на поиски укромного места в лесной чаще, но оставались в прибрежных кустах.

Праздник завершился к утру. Утомленные наслаждениями граждане Бурга возвращались к своим очагам и благословляли судьбу, даровавшую им счастье родиться бургандцами. Люди благодарили владык своих – кость от кости народа и плоть от плоти его.

2. Ассамблея

Для простых обитателей города Бурга первый послепраздничный день был временем активного расслабления. Пережевывалась сентенции из речи главного Старейшины. Переваривались испытанные накануне слуховые, зрительные и осязательные ощущения. Усваивались новые нравственные и эмоциональные идеи. Вкушались домашние средства нейтрализации последствий, возникающих в результате милых душе и желудку излишеств.

Совершенно иначе провели этот день властители Бурга и Бургандии. Случившиеся во время и после праздника два равно уважительных события явились импульсом для созыва внеочередной Ассамблеи Совета Старейшин.

Во-первых, конфликт граждан с торговцем из Дрора вызвал серьезную настороженность властей. То был инцидент опасного обострения напряженности между полярно различными системами жизни, одна из которых (в Бурге) праведна, а другая (в Дроре) – аморальна. Кажется, пришло время принятия оборонительных и наступательных мер. Вдобавок, завершение конфликта выглядело абсолютно недипломатическим, и умелая трактовка этого факта могла стать полезной в свете возможных акций. Короче, обстоятельства требовали безотлагательного обсуждения и последующего умного делания.

Во-вторых, скоропостижно скончался старший Старейшина. В прошлом сердце заслуженного борца было надорвано несколькими серьезными инфарктами миокарда. Чересчур экспансивная речь на открытии праздника привела к резкому обострению сердечного недуга и его фатальному исходу. Смерть руководителя не вызвала сенсацию среди членов Совета. Ушедшего ветерана немедленно сменил другой старогвардеец, занимавший первую позицию в списке на продвижение. В этой штатной ситуации роль внеочередной Ассамблеи состояла в формальном утверждении новой кандидатуры, а также в принятии решения об отсрочке на две недели всенародного оповещения о кончине и ротации.

Наметим несколько штрихов, характеризующих Ассамблею в Бурге. Местом проведения сих государственных мероприятий служил специально выстроенный для этой цели Дворец Ассамблей. Старейшины собирались на совещания в максимально полном составе. Уважительной причиной отсутствия могла служить только внезапная смерть. Случалось, что участник по состоянию здоровья был не в силах встать на ноги. Тогда прикованного к постели старейшину доставляла в зал заседаний специальная Служба Государственной Стабильности. К одру больного примыкала прикроватная тумбочка с упомянутыми выше бутылкой и стаканом.

Старейшины являлись на Ассамблею с молодыми женами. Памятливые мужья не забывали супружниц от первого брака и каждый год вселюдно клали цветы к изголовью дорогих могил. Высокие эстетические запросы вдовцов побуждали их соединять свои судьбы с женщинами много моложе себя.

При постройке Дворца предполагалось заполнять время перерывов между заседаниями бальными танцами. Однако, по понятным причинам, танцевальный зал пустовал. Поэтому, чтобы подруги старейшин не скучали, в закрытом распределителе организовывалась продажа всевозможных вещей, представляющих интерес для молодых женщин. Легкомысленные товары доставлялись из Дрора, ибо целенаправленный труд бургандцев не был ориентирован на изготовление идеологически немотивированных изделий.

Слово взял назначенный демократическим путем новый глава Совета Старейшин. Первым делом он поблагодарил коллег за оказанное доверие. Затем, скрывая неотступные внутренние боли и, положив одну руку на область желудка, а другую на лоб, поклялся служить идеям Бурга верой и правдой, не блядя живота своего и не шадя головы своей. Некоторые члены Совета встретили такое вступление кислыми лицами, полагая в чрезмерной куртуазности знак тлетворного влияния Дрора и неуместное низкопоклонство.

- Коллеги и соратники, - обратился к собранию новый глава, - я хочу напомнить всем присутствующим в этом зале, что перед нами стоит задача распространения жизненной

системы Бурга на всё население планеты. С этой точки зрения мы должны рассматривать случившийся накануне инцидент с так называемым торговцем из Дрора.

- Считаю излишним напоминать нам о наших общих целях, - перебил старейшина, бывший накануне номером вторым, а ныне ставший первым в списке на продвижение, - разве мы не вместе ехали шагом и не вместе мчались в боях? - пояснил он.

- Проникновение в нашу среду людей и идеологии Дрора стало слишком опасным, - продолжил докладчик, оставив без внимания реплику товарища по оружию, - ведь продажа чуждых нам товаров является симптомом неблагополучия!

- Это вовсе не чуждые, а очень даже нужные нам товары! – раздались с галереи недовольные голоса молодых жен.

- Прошу не отвлекать внимание Ассамблеи на предметы частного характера, - заметил в сторону галереи новый глава, - будем говорить о вещах принципиальных. Мною приглашены эксперты в ключевых областях научного прогресса и военно-политической экспансии. Выслушаем мнения специалистов и примем решения. Я предоставляю слово директору Государственного Института Демонологии. Докладывайте, профессор.

- Институт Государственной Демонологии, - мягко поправил директор учреждения, заняв место на трибуне.

- Есть разница? – задал иронический вопрос новый глава Совета.

- Разница такая же, как между вещами частного и принципиального характера, - помог профессору номер первый в списке на продвижение.

- Прежде всего, я заявляю, что мое сообщение предназначено исключительно для мужских ушей, - категорическим тоном произнес директор института.

- Предлагаю женам немедленно удалиться. В буфете имеются прохладительные напитки, высокосортное сливочное мороженое и конфеты монпансье, - вежливо обратился к женщинам глава Совета.

- Мужской шовинизм! Гендерная дискриминация! – раздались сверху возмущенные возгласы, постепенно стихавшие по мере того, как женщины покидали зал и занимали места у замочных скважин многочисленных дверей.

- Нахватались выражений от чуждого элемента, - поставил диагноз номер первый.

- Вверенное мне научное учреждение, - начал директор института, - всесторонне исследовало вопросы излияния мужского семени и изучило всё существующее многообразие последствий сего акта.

- Профессор, Ассамблея заинтересована в освещении только тех научных результатов, которые могут быть полезны для достижения наших стратегических целей, - заметил глава Совета.

- Именно этот аспект я и собираюсь осветить. Итак, - продолжил ученый, - Лаборатория Внесупружеских Контактв установила, что всего лишь одна порция семени, изливаемого мужчиной внутрь приблудившейся к нам из Дрора особы женского пола, производит тысячи невидимых глазом особей. Эти новоявленные субъекты названы нами научным термином “шеды”. Излияние в иноземку получило имя “батала”.

- Проклятие! Каким это образом у нас появляются дорские особы женского пола? – вскипел от возмущения номер первый.
- На окраине Бурга имеется улица, на которой процветают веселые заведения с персоналом из Дрора, - ответил глава Совета, и ухо его уловило возмущенный ропот из-за закрытых дверей.
- Возмутительное бездействие высшей власти! – гневно, но при этом вполне самокритично констатировал номер первый, - корова ничего не требует от быка, баран не платит овце, лишь дорская распутница наряжается на последние деньги бургандского труженика, только она отдает себя внаймы!
- Профессор, изучены ли свойства шедов? Не считаете ли вы, что необходимо закрыть веселые заведения и покончить с постыдной баталой? – спросил глава Совета.
- Да, мы изучили особенности шедов и считаем неправильным прекращать деятельность веселых заведений и останавливать баталу. И вот по какой причине. Наши исследователи установили, что недоступные людскому взору шеды способны к деятельности, результаты которой весьма зримы и вполне могут быть нам полезны. Эти существа легко поддаются обучению.
- Любопытно, откуда возьмется наставник для обучения невидимок? – проявил нетерпение глава Совета.
- Поясняю. В Лаборатории Верховной Демонологии сделано принципиально важное открытие. Оказывается, у шедов имеется царь, Асмой его имя, который обучает и направляет своих подданных.
- Какой толк простому народу Бургандии от всей вашей ученой чертовщины? – недружелюбно вмешался номер первый.
- Употребление ненаучных выражений не способствует получению положительных результатов дискуссии, - бросил в пространство глава Совета, - пожалуйста, продолжайте, профессор.
- Идеологический Отдел Института установил, что отношение Асмодая к бург-идеологии абсолютно лояльно, и царь шедов готов сотрудничать с нами. Привлечение Асмодая к совместной деятельности выходит за рамки компетенции вверенной мне епархии. На этом я заканчиваю. Благодарю за внимание.
- Спасибо, профессор. Ваше сообщение об открытиях Государственного Института ... ах, простите, Института Государственной Демонологии будет включено в секретный протокол, прилагаемый к стенографическому отчету Ассамблеи, - подвел итог глава Совета.
- Не спи, вставай кудрявая! – прорезал солидную атмосферу зала совершенно неожиданный возглас.
- В чем дело? – недовольно осведомился глава Совета.
- Ничего особенного, начальник. Просто мой пациент, если голоден, просыпается с этим кличем, - крикнул в ответ медбрат, сотрудник Службы Государственной Стабильности, хлопотавший у постели члена Ассамблеи, доставленного на заседание из лечебного учреждения, - я покормлю больного жидкой манной кашей, и он снова уснет.

- Не возражаю, - великодушно согласился глава Совета, - сейчас я объявляю перерыв. Прошу открыть двери на галерею и вернуть наших жен.

- Я предлагаю всем снова включиться в работу Ассамблеи, - произнес глава Совета по окончании перерыва, - сейчас я предоставляю слово еще одному эксперту, председателю Комитета Спецопераций. Пожалуйста на трибуну, генерал.

- Приветствую всех присутствующих, - начал, но не успел закончить фразу председатель, ибо был прерван репликами из зала.

- Спецоперации? Хирургические? – раздались голоса с галереи.

- Прерывание беременности! – послышался ответ оттуда же.

- Вы врач-гинеколог, вы делаете аборты? - сыпали вопросами молодые жены, кто со смешком, а кто всхлипывая.

- Чтобы да – так нет! - пошутил известный своим добродушием и чувством юмора председатель.

- Эй, наверху! Дайте генералу возможность докладывать! – пристрожил женщин номер первый.

- Комитет Спецопераций получил от Института Государственной Демонологии материалы, касающиеся шедов и их царя, - сказал председатель, - и мы с глубоким удовлетворением отмечаем, что активность шедов может быть использована нами в осуществлении секретных маневров, направленных против города Дрора и его обитателей. Нами разработаны специальные инструкции для Асмодея, руководствуясь которыми, он станет обучать своих верноподданных.

- Не могли бы вы, генерал, приподнять занавес таинственности, дабы члены Ассамблеи глубже вникли в проблему? – задал вопрос глава Совета.

- Я подготовил подробную докладную записку. Она должна стать еще одним секретным протоколом к стенографическому отчету Ассамблеи. Не следует пренебрегать строгостью государственных тайн. Имеющие к ним допуск смогут ознакомиться с материалом.

- Слишком куце! – заметил номер первый, - какие у вас конкретные предложения, генерал?

- Пожалуй, об одной вещи я скажу во всеуслышание. Нам необходимо углубить проникновение активной агентуры во вражескую среду. Я предлагаю использовать для этой цели инцидент с изгнанным торговцем из Дрора. По имеющимся у нас сведениям, он холост. Мы должны найти в своей среде невесту для него, которая одновременно с супружескими обязанностями будет выполнять задания Комитета. Одно важное уточнение: связанные путами древних предрассудков, дрорцы женятся только на девственницах, и не в наших интересах игнорировать этот факт. Иными словами, мы должны помочь выдворенному торгашу составить достойную партию в его архаичном дрорском понимании.

- Дорогой генерал! – воскликнул глава Совета, - после вчерашней лодочной прогулки на дальний берег озера, боюсь, не осталось у нас целомудренных невест! Да разве хвастаются девственностью?

- Печально. Только не зная мужа дева может стать подходящей партией для дорца! – заметил председатель.

- Увы, в настоящий момент в Бурге нет такой партии! – горестно отвечал глава Совета.

- Есть такая партия! – торжественно выкрикнул номер первый, - это Орпа, моя дочь от предыдущего брака. Она провалилась на школьном выпускном экзамене, а наказание я поручил ее мачехе. Эй, женушка, - крикнул он в направлении галереи, - доложи-ка Ассамблее, какие воспитательные меры ты приняла в отношении своей падчерицы?

- Доложу с удовольствием! – раздался в ответ радостный вопль молодой жены номера первого, - я высыпала перед Орпой мешок гороха и мешок фасоли, смешала зерна и велела ей отделить одно от другого. Она провозилась до утра, не смогла пойти на праздник и потому осталась девственницей!

- Замечательно. Вот ее мы и пошлем на задание. Будет ей переэкзаменовка! – вновь пошутил председатель Комитета Спецопераций.

- Уважаемые участники собрания! – начал свою заключительную речь глава Совета, - подведем итоги работы. Настоящая внеочередная Ассамблея Совета Старейшин констатирует необходимость активизации деятельности Совета и всех государственных структур в целях установления единой мировой бург-идеологии. Для этого следует обезоружить идейно, а также демилитаризовать, демонизировать, дезорганизовать, дестабилизировать, дезориентировать, дезинформировать и, наконец, депортировать нашего главного противника, окопавшегося в Дроре. Мы выслушали доклады экспертов. Практически применяя научные открытия Института Государственной Демонологии вкуче с методическими разработками Комитета Спецопераций, мы поставим на службу своим целям деятельность шедов и их царя Асмодая. Мы усилим проникновение секретной агентуры во вражескую доррскую среду. Сбывая противнику толику содержимого наших неисчерпаемых подземных кладовых, сделаем Дроп ресурсозависимым и, как следствие, послушным. Получая от продаж огромную выручку, используем ее для завоевания личной благонамеренности доррских бонз. Надеюсь, все понимают, о чем я говорю. Таковы основные вехи намечаемого нами пути.

- Хочу сделать добавление, - бросил с места номер первый, - провозглашенная программа рассчитана на длительный срок, превышающий реальное время правления одного главы Совета. Вполне возможно, что мне, как ныне занимающему первую позицию в списке на продвижение, придется завершать или продолжать осуществление плана. Поэтому я предлагаю включить в итоговый документ крайне важный с моей точки зрения пункт, а именно – заручиться благословением Вышнего. Для этого необходимо снарядить посланничество на поклон к Нему. Экспедиция отправится к Поклонной Горе, на вершине коей Он обитает. Полагаю, предприятие нельзя откладывать в долгий ящик, и следует приступить к делу немедленно.

- Разумное предложение, - одобрил глава Совета и закрыл внеочередную Ассамблею словами, ставшими крылатыми в Бургандии: “Наши цели ясны, задачи определены. За работу, товарищи по борьбе!”

Общее решение внеочередной Ассамблеи Совета Старейшин, включающее предложенное номером первым добавление, а также два секретных протокола, было принято единогласно. В момент голосования “за” медбрат поднял руку хворого члена Совета, спящего под действием

инъекции морфина. Молодые жены старейшин бурно аплодировали. Утомленные трудным днем, участники заседания разъехались по квартирам.

3. Федеральный роман

Через несколько часов после завершения внеочередной Ассамблеи Совета Старейшин, ночью, еще до наступления рассвета, в дверь квартиры, занимаемой семьей номера первого в списке на продвижение, раздался настойчивый стук. Испуганная молодая жена хозяина (ее спальня находилась близко к входной двери), закутавшись в халат, на цыпочках подкралась к глазку. На лестничной площадке в слабом свете газовой лампы виднелись люди в высоких сапогах, черных кожаных тужурках и без погон. “Делать нечего, - холодея от страха, подумала женщина, - надо открывать!”

С умеренно громким топотом в квартиру элегантно вошли несколько невооруженных, как показалось хозяйке дома, крепких мужчин разного возраста.

- Это квартира номера первого в списке на продвижение? – вместо приветствия осведомился старший по годам и по должности.

- Да, - едва слышно ответила хозяйка, ноги ее подкосились от ужаса, и она упала в предусмотрительно приготовленные объятия самого молодого из вошедших: ужас уводит землю из-под ног.

- Успокойтесь, гражданочка, уймите дрожь в вашем прекрасном теле, ничего страшного ни вам лично, ни членам вашей семьи не грозит, - промолвил добрый утешитель и энергичным движением кистей рук вернул женщину в вертикальное положение.

- Чем могу быть полезна? – пролепетала она.

- Нам необходимо видеть девицу по имени Орпа, - деловито сообщил старший.

- Вы ее мать? – спросил молчавший до сих пор член делегации.

- Замечательно сохранились! – польстил самый молодой.

- Я мачеха, - скромно заметила молодая жена номера первого.

- Предъявите вашу падчерицу! - нетерпеливо повторил глава миссии.

- Орпа! – закричала мачеха, - за тобой пришли!

- Не за тобой, а к тебе! – поправил малоразговорчивый визитер.

- Я тут, мамочка! – пропищала выбежавшая на зов девица.

- Тебя хотят видеть эти мужчины, доченька!

- Вы Орпа? – строго спросил главный.

- Я – Орпа!

- Сегодня в восемь часов утра, - заученно проговорил глава миссии, - вам надлежит явиться лично к председателю Комитета Спецопераций для приватной секретно-государственной беседы.

- Я поняла, - пробормотала Орпа.

- Распишитесь в получении повестки. Обратите внимание на мелкие буквы внизу: опоздание на двадцать минут карается двумя годами ссылки в трудовой лагерь перевоспитания для членов семей ответственных работников.

- Боже сохрани! – всплеснула руками молодая жена.

- Попрошу, - сказал начальник, - ваш документ взять с собой!

Не прощаясь, делегация удалилась. Появился отец семейства. Он слышал разговор, но предусмотрительно не выходил из комнаты, избегая, на всякий случай, привлекать к себе внимание сотрудников Комитета.

- Кровиночка моя, - утирая слезу, всхлипнул номер первый, - тебя-то за что? Ведь ты ни в чем не виновата! – и окрепшим голосом бросил в сторону молодой жены: “Ты сама ее морочила, сама по проволке идешь!”

- Память у тебя отшибло, старый! – непедagogично в присутствии ребенка грубо заявила мужу юная его супруга, - забыл, что генерал сказал на Ассамблее, мол, даст нашей Орпе важное задание?

- Ох, верно ведь! Обошлось, кажется. А ты не зубоскаль! Лучше помоги девчонке нарядиться, ей ведь идти скоро!

На служебной карете, полагающейся отцу по должности, Орпа без опоздания прибыла на площадь перед зданием Комитета Спецопераций. В ее распоряжении было еще несколько минут, и она посвятила их разглядыванию установленной в центре площади величественной статуи основателя Комитета. Отлитый из железа памятник – огромная стройная фигура борца – гордо высился над городом и страной. “Странно, - подумала Орпа, - ведь памятник ставится наименее памятному, а разве забудется этот герой?”

Взгляд Орпы вперился в необычный дорожный знак. Оказывается, проезд по площади позволялся только конным экипажам и не разрешался повозкам, запряженным ослами. Сие было сделано по просьбе трудящихся бургандцев. Люди, проходившие и проезжавшие мимо Комитета, говорили робким шепотом, а ослиный рев нарушал ауру тихой кротости, излучаемую железа многопудьем монумента и стен незыблемостью бастиона.

Ровно в восемь ноль-ноль дежурный охранник открыл дверь председательского кабинета, и Орпа смело прошагала по красной ковровой дорожке к необъятному столу, за которым сидел вполне нестарый еще мужчина в генеральской форме. Надо заметить, что посетительница, входя в святилище Бургандии, почти не испытывала страха, ибо мачеха подготовила ее к получению лестного предложения о сотрудничестве.

Генерал заранее надел темные очки. Скрывая глаза, он прятал молодой огонь, горевший во взгляде. Вдумайся, читатель: разве легко человеку его положения и его лет хладнокровно глядеть на юную, стройную и прекрасную видом деву, сидящую на расстоянии вытянутой руки,

в пределах столь очевидной досягаемости, и при этом говорить о делах службы? Он так не привык. Но помни, книжечей: высокий патриотизм в сердце государственного мужа заставляет молчать низкую похоть в чреслах его. В каждом из нас происходит война с самим собой, а победа над самим собой – ценнейшая из побед.

- Здравствуй, гражданка Орпа, рад с тобою познакомиться! – промолвил генерал.

- Здравствуйте, гражданин председатель Комитета Спецопераций! – бойко продекламировала Орпа.

- Скажи-ка, Орпа, что ты больше любишь, в школе учиться или горох от фасоли отделять? – пошутил генерал.

- Наслаждаюсь и тем, и другим, - в тон ответила девица.

- На каком экзамене ты срезалась?

- Не помню точно. Что-то там было про иксы и игреки.

- Значит, математика пришлась тебе не по вкусу. А чем ты увлекаешься?

- Я книжки читаю. Про любовь, про семью.

- Замечательные склонности у тебя, Орпа. Это пригодится и тебе самой, и нашей счастливой стране Бургандии.

- Мне отец с мачехой говорили, что я получу от вас важное государственное задание. Интересно, какое?

- Терпение, голубушка. Кстати, о терпении. Не скучно тебе было всю ночь напролет зерна перебирать?

- Ничего, справилась. Я одновременно книгу чувствительную читала. Ночь незаметно пролетела!

- А сверстницы-то твои весело время провели!

- Знаю я, чем они занимались. У меня другое на уме.

- Великолепно! А скажи-ка, Орпа, ты домашних своих любишь?

- Я родителя почитаю...ну, и вообще...

- Bravo! Умешь отвечать уклончиво!

- Жизнь учит, гражданин председатель Комитета Спецопераций.

- Молодчага! А теперь перейдем к главному. Замуж выйти хочешь?

- Право ... не знаю ... может быть... - покраснела дева.

- Может быть – значит, да! У меня, представь, для тебя жених есть.

- А вы сват? Или свадебный генерал?
- Не переступай грань, Орпа! Разговор у нас служебный, не забывай!
- Простите, начальник. А кто он, жених-то?
- Отличный парень. Немного старше тебя. Красавец. Высокий. Образованный. Денежный. Книжки любит читать – родственная душа тебе.
- Что-то с ним не так, наверное. Почему через Комитет сватается?
- Не он сватается, а Комитет его сватает. Дрорец он. А нам требуется, чтобы ты женила его на себе.
- Дрорец? Ну и пусть! Я не предубежденная, ксенофобией не страдаю.
- Это хорошо. Отчасти. Комитет сведет тебя с ним. Сумей понравиться ему. Когда он женится на тебе, станешь выуживать из него полезные для родины сведения и тайно передавать их нам. Вот такое тебе выйдет государственное задание. Правда, замечательно?
- Если в семье будет любовь – то замечательно.
- Наши люди не говорят “если”, говорят “есть”! Ты меня понимаешь, Орпа?
- Кажется, начинаю понимать.
- Отрадно слышать. Да, последний вопрос. Почему ты не подвела брови и глаза, идя ко мне на прием?
- Я хотела, да мачеха поскупилась, утаила от меня свою заветную коробочку. Сказала, дескать, им на Ассамблее давали только по одному косметическому набору в руки.
- Понятно. Сейчас, Орпа, отправляйся к моему помощнику для получения конкретных инструкций. Его кабинет – этажом ниже. Согласно этой записке от меня, он выдаст тебе под роспись атрибуты косметики.
- Ой, спасибо, гражданин генерал!
- Хватит! Бонтон тебе еще пригодится в других местах. С этой минуты ты являешься агентессой Комитета Спецопераций. Это трудно, ответственно и почетно. Помощник ожидает тебя. До свидания, Орпа.

Помощник председателя Комитета подробно проинструктировал Орпу и остался весьма доволен смышленностью новой секретной сотрудницы. Хотя девица и проявила отменную понятливость и схватывала налету, задача чиновника была не столь уж проста. Он вынужден был соблюдать строжайший наказ начальника не прикасаться к юнице (ни-ни!) – дабы не сорвать спецоперацию первостепенной значимости.

Кандидата в женихи звали Ерэд. Он старше Орпы на пять лет – расцвет молодости. Помощник достал с полки папку с надписью “Ерэд, гражданин города Дрора”, раскрыл ее на первой странице и показал невесте нарисованные карандашом изображения субъекта государственной

важности – анфас и профиль. Затем зачитал ей детальное описание внешности Ерэда, назвал род его занятий и сумму ежегодных доходов, перечислил родственников. Орпа пришла в восторг: “Какой видный парень! – подумала она, - славный выйдет из него муж, не сглазить бы. Молодцы комитетчики, отличные сваты!”

Помощник сообщил Орпе, что после торгового фиаско Ерэд пребывает в состоянии кратковременной черной меланхолии. Сейчас он неспешно возвращается к себе домой в Дрор. Он едет верхом на осле от одной придорожной гостиницы к другой. Орпу доставят экспресс-колесницей на место предполагаемой стоянки Ерэда, где она будет его ждать. Виденные ею в папке рисунки, а также глубокая печаль на лице путника помогут ей опознать молодого человека. Далее, используя женские чары, она познакомится с Ерэдом и станет действовать согласно государственному заданию. Комитет Спецопераций полагается на ее фантазию и желает ей счастья в личной жизни и успехов в труде на благо родины.

По правде говоря, Орпа не испытывала сомнений, соглашаясь сотрудничать с Комитетом. В сердце выпускницы средней школы не звучали патриотические мотивы, зато с каждым днем крепла мечта полюбить молодого, красивого и богатого парня. Чтение романов, всё больше дрорских сочинителей, деформировало мировоззрение и без того крамольной барышни. “Мир состоит из меня и неменя, - рассуждала девица, - так ради кого их этих двоих я стану жить? Неужели ответ не очевиден? Когда мы сами себя любим, то и мир нас непременно полюбит!”

Орпа не помнила своей матери и крепко не любила мачеху, почти ровесницу ей. Однако она была лояльна родителю, ибо он безотказно разрешал ей пользоваться своей служебной каретой. Впрочем, последнее обстоятельство не указывало на духовную связь дочери с отцом. Иными словами, ничто не удерживало Орпу в лоне семьи. Наоборот, в замужестве она видела прекрасный повод сбежать, наконец, из постылого дома. Более того, на дне девичьего сердца жила надежда соединиться узами брака именно с дрорцем и навсегда уехать в Дрор. И тут такая удача!

Помытуя о соблюдении служебной тайны, Орпа лаконично и наскоро попрощалась с домашними и вышла на улицу. Ее уже дожидалась обещанная экспресс-колесница. Кони помчали Орпу навстречу новой жизни, подальше от квартиры на набережной.

На ночь глядя, Орпа прибыла в придорожную гостиницу, где, по расчетам Комитета, должен был остановиться Ерэд. Она улеглась спать, и ей снились широкие и ярко освещенные улицы в центре Дрора, особняк на тихой окраине города. Она – полновластная хозяйка в доме, ее окружают милые детки, лепечут, смеются, одолевают невинными вопросами на фундаментальные темы.

Наконец, на веранде появляется красавец-мужчина – ее возлюбленный супруг. Он нежно обнимает ее за талию, они проходят в садовую беседку, усаживаются за стол. Служанка приносит знакомую бутылку озерной воды. Супруги выражают ей свое неудовольствие, и тут Орпа просыпается. “Хоть во сне, да настигнет меня этот проклятый Бург!” – досадливо цедит она сквозь зубы.

К середине следующего дня подъехал верхом на маленьком ослике некий молодой человек с интеллигентно-печальным лицом и попросил у хозяина самую дешевую комнату. Устроившись, он вышел в общую залу, где гости трапезничали, но заказывать обед не стал – объяснил хозяину, мол, его ограбили в Бурге, и платить нечем. Он достал из дорожного мешка краюху хлеба и принялся энергично откусывать от нее, запивая водой.

Орпа чуть-чуть отворила дверь своей комнаты и в щель разглядывала нового приезжего. Сомнений не было – это Ерд. Она надела на себя скромное закрытое платье и незаметно для новичка спустилась вниз, проскользнула наружу и принялась расхаживать взад и вперед по тропинке неподалеку от гостиницы. Лицо ее приняло выражение печали. Она раскрыла заранее припасенную книжечку стихов и, прогуливаясь, негромко декламировала романтические четверостишия.

Ерд, разумеется, заметил девушку. Покончив со скудной трапезой, он поспешил ей навстречу, дабы невзначай столкнуться с нею, разговориться, а то и свести дружбу.

- Ах, простите мою неловкость! Поверьте, я совершенно случайно задел вас. Вам не больно? – встревоженно спросил Ерд.

- Ну, что вы, мне ничуть не больно! – ответила Орпа, бросив на него контрольный взгляд, дабы удостовериться, что это действительно тот, кто нужен ей, Комитету и родине.

- Вы любите стихи?

- Обожаю!

- Я тоже балуюсь стихами. Сочиняю.

- Какая прелесть! Я встретила поэта!

- Ах, оставьте! Ведь я поэт всего лишь по призванию, а по роду занятий я торговец. Меня зовут Ерд. А вас?

- Очень приятно. А я – Орпа.

- Очень приятно. Позвольте спросить, откуда и куда вы держите путь?

- Я родом из Бурга. Я покинула семью. Вернее, меня изгнала из дома мачеха. Она хотела, чтобы я вела себя как все наши распущенные девицы, но я не такая. Я пока не знаю, где найти прибежище. Я слышала, в Дроре требуются работницы в богатые дома. Я хочу сама добывать свой хлеб. А теперь вы расскажите о себе. Вы так грустны и так бедно одеты!

- Я – коренной дрорец. Я привез на праздник в Бург много отличного товара для продажи. Вырученные деньги думал отложить на покупку брильянтов для невесты.

- Так вы помолвлены? – скрывая досаду на недостаточную осведомленность Комитета, спросила Орпа.

- Нет, я еще не успел влюбиться, и у меня пока нет невесты. Я коплю деньги впрок, Орпа. Увы, бургские дикари ограбили меня, захватили, словно разбойники, весь мой товар, а меня изгнали из города. Хорошо, хоть оставили мне немного денег на эту скудную одежду, что вы видите на мне, да на покупку ослика. Теперь я возвращаюсь в Дрор.

- Мне страшно жалко вас, Ерд. Вы разорены? – задала тревожный вопрос Орпа.

- Да что вы, Орпа! Я по-прежнему богат! Я трудился и пострадал. После случившегося я потерял веру в человечество. Разве это мало значит – вера в человечество?

- Вера в человечество вернется к вам: вы молоды и еще встретите хороших людей. Вот, скажем, я, уроженка Бурга, всю жизнь пребывала в душной атмосфере всеобщей скверности, но сберегла себя и сохранила лицо.

- Вы нравитесь мне, Орпа!

- Я нравлюсь вам? Правда? Как волнительно это слышать!

- Я привык говорить только то, что думаю. И посему я решительно заявляю о своей обеспокоенности вашим шатким положением. Чем я могу вам помочь?

- О, нет, Ерэд! Я девушка с характером и сумею постоять за себя. Я не прошу помощи, и корысть чужда мне.

- И я таков же! Поэтому я помогу вам бескорыстно. Вы, кажется, не против поселиться в Дроре, не так ли? Отчего бы нам не продолжить путь вместе?

- Право, мне неловко! Да и ослик ваш двоих не вынесет.

- Как хорошо, что я благоразумно не потратил все деньги! Я куплю еще одного ослика! Так что, едем вдвоем, Орпа?

- Я готова согласиться, Ерэд, если вы обещаете уважать мои моральные табу. Надеюсь, вы меня понимаете.

- О, я отлично понимаю вас. Можете не сомневаться в моей кристальной честности!

Ерэд и Орпа продолжили путь вместе. Ерэд держался и держал слово. Если малая жертва приносит ради других, то большая – ради себя самого! По дороге они говорили о высоком и об утилитарном. С каждым днем пути они нравились друг другу все больше и больше. Подъехав к воротам Дрора, они вполне осознали себя родственными душами, и, кажется, полюбили друг друга. Дело оставалось за признанием. Но это событие произошло позднее, внутри городских стен.

4. Агентесса удивляет

Ерэд – младший из трех братьев, рожденных в состоятельной дрорской семье. Сестер у них нет. Как принято в Дроре, взрослые сыновья покидают родительский дом и живут своим умом и своими руками. Принимая во внимание сей факт, а также учитывая то обстоятельство, что отец и мать братьев не заняты в настоящей драме, милосердный автор не станет обременять читателя излишней информацией о родителях.

Среднего брата зовут Яков, старшего – Иосиф. В Дроре частенько переименовывали древние имена на современный лад – якобы прошлое не грех изменить. Так, например, Яков мог бы стать Джекобом, а первенец Иосиф носил бы имя Джозеф. Кстати, Ерэда звали бы Джеродом. Однако упомянутое нами семейство предпочитало держаться старых устоев, полагая, что таким образом оно отдает дань патриотизму.

Добавим несколько слов о каждом из братьев.

Младший Ерэд по воле родителей продолжал купеческие традиции семьи. Скорее всего коммерция не являлась лучшим применением его талантам, ибо, как Ерэд сам утверждал, он

поэт по призванию. Тем не менее, прекрасная хозяйственная конъюнктура Дрора обеспечивала даже не самому даровитому торговцу весьма неплохие доходы.

Упорное книгочейство закрепило за Ерэдом репутацию наивного романтика. Он не противился укоренившемуся предвзятому мнению, усматривая в этом выгоду, доставляемую снисходительностью к молодости и неопытности. Инициатива не была чужда ему, поэтому даже в такой утилитарной сфере как торговля он держался на плаву.

Яков, средний из братьев, был полной противоположностью Ерэду. Практичный до мозга костей, он неплохо разбирался в людях, то бишь за всяким благонамеренным побуждением, высказыванием или деянием он искал и почти всегда находил личную выгоду доброхота. Усвоил, что корысть щедр на дань добродетели.

Яков смолоду отличался честолюбием. Обладал умом быстрым, но не слишком глубоким. Самокритично сознавая вялость своей фантазии, он не стремился к выдумыванию пороха, но прекрасно чувствовал себя в рамках должностной иерархии. Изучив в университете изрядное количество политических и человековедческих дисциплин, Яков выбрал карьеру службиста в сфере безопасности государства. Ему льстил ореол секретности, окружавший его профессиональную деятельность.

Старший брат Иосиф с малолетства блистал талантами в точных науках. Став ученым, он на века прославил свое имя. Как сообщает легенда города Дрора, в детском возрасте, едва освоив алфавит, Иосиф запоем прочитал учебник геометрии и сделал важные пометки на полях книги. В отличие от своего знаменитого тезки, он отличался чрезвычайной скромностью, не заносился перед младшими братьями, любил их и был любим ими.

Иосиф привык созидать открыто. Вскоре, однако, произошла печальная перемена, речь о которой впереди. К несчастью своему, сыны земли, чьи сердца (согласно честному признанию их творца) созданы злыми, замыслили недоброе употребление находкам титана мысли. Поэтому Яков запретил публичность научных изысканий Иосифа и спрятал брата под крылом тайны. Ее, впрочем, не удалось сберечь.

Наши путники вошли в Дрор под вечер. Ерэд определил Орпу не несколько дней в приличную гостиницу, а сам отправился к себе домой. Уговорились встретиться завтрашним утром.

Вступив на улицы города, Орпа поняла, почему Ерэд загодя продал обоих ослов. По мостовым Дрора разъезжали, тарахтя и дымя, самодвижущиеся экипажи. Оказывается, местные научники догадались, как сочетанием различных железных частей создать некое громоздкое чудовище, которое везет карету быстрее лошади, не ест овса, а только пьет какую-то зловонную жидкость. Изобретение получило имя “мотор”.

- Такие экипажи называются автомобилями, - пояснил Ерэд, - мы производим их так много, что у каждого горожанина имеется свой собственный!

- Неужели у каждого? Даже у бедняков? – удивилась Орпа.

- Когда товар изготавливают в большом количестве, то он стоит дешево, - поделился Ерэд коммерческими познаниями.

- А в Бурге нет автомобилей! – признала Орпа.

- Это мне известно, - самодовольно заметил Ерэд и с сожалением добавил, что в земных глубинах Бургандии залегает видимо-невидимо автомобильного пойла. Дрор покупает, а Бург, продавая, богатеет.

- А у меня будет свой автомобиль?

- купишь с первой же полочки!

Из дома Ерэд отправился к Якову. Поведал ему о своих злоключениях в Бурге, но умолчал о новом знакомстве. Да разве сумеет бесхитростный Ерэд устоять под пронизательным взглядом супруги профессионала секретной службы? Честный человек, а уж поэт тем более, всегда простак!

Жена Якова не уступала мужу в наблюдательности. Два-три бьющих в цель женских вопроса, и Ерэд, краснея, признался, что вернулся в Дрор не один, а с девушкой. “Зовут ее Орпа, - сказал Ерэд, - она молодая, стройная, красивая, начитанная, любит стихи, и вообще мне пора жениться!”

Осторожный государственный служащий предложил следующее. Орпа поступит работницей в дом Якова, но случится это без ведома Ерэда. Супруги-наниматели проверят уроженку Бурга на лояльность свободному духу Дрора. Сделают они это умело, не возбуждая подозрений у испытуемой. Бывая у брата, Ерэд познакомится с Орпой, они начнут встречаться и так далее.

Яков, как член бюро по расследованию антидрорской деятельности, обязан убедиться в том, что потенциальная невеста Ерэда не является бургской шпионкой. Если результат проверки окажется благоприятным, то молодые получают благословения, поздравления и подарки к бракосочетанию. В противном случае права любви столкнутся с безжалостной понукой долга, и перст судьбы укажет исход. “Охота на ведьм!” – проворчал Ерэд, однако малодушно принял предложение Якова.

Назавтра в гостинице Ерэд познакомил Орпу с намеченным планом действий, а затем познакомился с ней самой в доме у брата, где она приняла должность универсальной работницы. Яков невзначай и исподволь экзаменовал девицу, и та производила на него впечатление простодушия, ловко скрывая причастность к Комитету Спецопераций.

В голове Якова созрела новая идея. Он подумал, что, поскольку Орпа приходится дочерью бургскому руководителю, то, ей, возможно, ведомы некоторые государственные секреты, знание коих будет полезно его департаменту. Чтобы выудить из девицы сведения, следовало как можно больше расположить ее к городу, его людям, их образу мысли и достижениям. Поэтому Яков предложил Ерэду сводить Орпу в музей истории Дрора – пусть послушает, впечатлится, проникнется.

Экспонаты музея и последующая лекция чрезвычайно взволновали Орпу. Службист государственной безопасности оказался прав. Она сердцем приняла славную историю и, выражаясь на профессиональном жаргоне Якова, размягчилась. Иными словами, Орпа сделала решительный шаг в направлении готовности к сотрудничеству с бюро по расследованию антидрорской деятельности.

Итак, что же Орпа услышала от профессорши истории на лекции в музее?

Оказывается, доррский народ имеет наполовину небесное происхождение. Лекторша поведала слушателям, как случилось это чудо.

“В давние времена, - начала ученый-историк, - на земле царили холод, голод и невежество. Люди были неграмотны, не владели огнем, пропитание добывали охотой на зверя, ели его плоть в сыром виде и разнообразили свой рацион растительной пищей, то бишь собранными в лесах ягодами, кореньями и прочими витаминными дарами природы”.

“Существовал ли в то темное время разврат?” – обратилась к публике профессорша. Большинство слушателей, и Орпа в том числе, высказали мнение, что, поскольку жизнь была паскудная, людям не оставалось иной радости, кроме как предаваться безудержному блуду.

“Ошибаетесь, дорогие мои, - довольно потирая руки, заявила ученая дама, - распутства не было и в помине! Примитивные методы звероловства имели следствием высокий уровень травматизма добытчиков. Охота нередко оканчивалась их гибелью. Поэтому общество вынужденно мирилось с острым дефицитом мужского населения. А когда мужчин не хватает, то и пороку места нет!”

“Склонные к теоретизированию, наши бургандские соседи объяснили примитивность древнего общества неразвитостью производительных сил и производственных отношений. Это приблизительно правильная констатация фактов, но изобретенная тамошними учеными терминология получила неверное направление и завела их страну в тупик”.

“Нельзя согласиться и с распространенным в интеллигентской среде Бурга мнением, мол, виной древней дикости являлась разруха в головах. Ведь по смыслу своему, разруха есть результат разрушения хорошего и замещение его плохим. Но не было хорошего, и поэтому нечему было замещаться плохим, а, стало быть, и разруха в головах – не более чем досужий наукообразный вымысел!”

“Теперь вернемся к нашему утверждению о небесном происхождении доррцев. На Небесах, среди сонма породистых созданий, нашлись две сотни ангелов, которые пожелали спуститься на землю. Они были осведомлены о тамошней нехватке мужчин, и их манила перспектива легкого овладения обделенными любовью женщинами. Взамен они намеревались предложить земным варварам известные только им средства достижения материального прогресса”.

“Сошедшие с Небес ангелы стали совокупляться со скучающими земными женщинами, и на свет появлялось здоровое жизнеспособное потомство. Процесс набирал силу, распространялся по всей доррской земле”.

“Ангелы научили людей хранить огонь, помогли освоить ремёсла и поднять целинные земли, показали, как добывать металлы и изготавливать из них орудия труда и войны. Не стану перечислять все те бесценные знания и навыки, которые люди приобрели от сотрудничества с просветителями. К большому своему сожалению замечу, что двести явившихся к нам ангелов были уничижительно названы на Небесах падшими. С нашей точки зрения эти белокрылые существа стали подлинными благодетелями человечества. Хотя, нельзя не признать, с их появлением возник разврат”.

“Так, значит, доррцы ведут свою родословную от ангелов, - подумала Орпа, - уж не поэтому ли самые просвещенные патриоты Бурга презрительно называют жителей Дрора англосами?”

Далее, ученая-историк поведала слушателям, какое бурное развитие получил Дрор, причем, уже не на небесной, а на собственной научно-технической базе. “Дрорская земля щедро рождает быстрых разумом ученых, - сообщила профессорша, - приведу в пример хотя бы известного

всем вам Иосифа! Нельзя не отметить, как много способствовали процветанию Дрора беженцы из тиранического Бурга, - добавила лекторша и одобрительно посмотрела в сторону Орпы.

Взаимная любовь Ерэда и Орпы совершенно окрепла и уже многократно подтверждалась признаниями влюбленных. Молодые встречались по вечерам, говорили обо всем на свете и, возможно, (хотя и не известно доподлинно) целовались. По выходным дням они выезжали вдвоем на лоно природы. У Орпы уже был собственный автомобиль, и ей доставляло немалое удовольствие самой рулить, разгоняться, тормозить.

Наконец, Ерэд сделал Орпе предложение, которое было без лишнего кокетства принято. Уговорились о свадьбе и других практических шагах. Яков, убедившись в надежности морально-политического облика Орпы, одобрил решение младшего брата. Супруга Якова взяла на себя хлопоты, сопряженные с предстоящими событиями.

Отец и мачеха невесты получили приглашение на торжество. Многоопытный номер первый в списке на продвижение не захотел испытывать судьбу. Осторожно действовать и разумно рассуждать – девиз искушенности. Непредсказуемым результатам обнародования он предпочел замалчивание компрометирующего факта замужества дочери с дрорцем. Правда, брак сей стал возможен благодаря заданию всесильного генерала, но кто знает, что родит день? Поэтому он решил на свадьбу не ехать. “Ни к чему лишний раз фигурировать в Комитете Спецопераций с просьбой о разрешении на поездку в Дрор!” – сказал он молодой супруге.

Новобрачные то и дело окунались в живительные воды реки счастья и самозабвенно вкушали из чаши наслаждений. Хорошо! Время казалось им вещь необычайно длинной, а жизнь прекрасной и удивительной. Они поселились в уютном особнячке, купленном Ерэдом наполовину за наличные и наполовину на ипотечную ссуду. Зелень, сад, молодые деревья, беседка. “Кажется, сбывается сон, что привиделся мне когда-то по дороге в Дрор!” – говорила себе Орпа.

Яков с супругой и холостой Иосиф частенько навещали молодоженов. Службист с удовлетворением отмечал чрезвычайную благосклонность хозяйки дома к новым ценностям. Однажды Яков, как бы между прочим, спросил ее, не знает ли она о каких-либо намерениях властей Бурга в отношении Дрора. Размягченная Орпа припомнила рассказ мачехи о внеочередной Ассамблее Совета Старейшин.

Работник секретной службы узнал о двух важных вещах. Во-первых, он с удивлением обнаружил, что давно известные в Дроре шеды и их царь Асмодай были заново открыты в научно отсталых лабораториях Бурга. Мало того, это открытие противник собирался использовать против Дрора. Во-вторых, для Якова явилось неожиданностью намерение Бурга отправить на Поклонную гору посланничество к Вышнему с целью просить Его благословения на всемирное господство бургской идеологии.

Сообщив Якову столь важные сведения, Орпа не открыла главного секрета, а именно того факта, что она завербована Службой Спецопераций. Тем не менее, она удивила самую себя – ведь теперь она стала двойной агентессой!

Со своей стороны Яков был чрезвычайно рад добытой информации. Он предчувствовал скорое повышение по службе.

“Необходимо придумать, - размышлял Яков, - как нам нейтрализовать вред от шедов и Асмодая. Возможно, нам удастся перетянуть эту дьявольскую банду на свою сторону. А что

касается бургского посланничества на поклон к Вышнему, то мы должны сделать то же самое, и еще посмотрим, чья возьмет. Потягаемся! Однако главное для Дрора – не догонять, но быть всегда впереди. Пионерные исследования и изобретения – вот наш путь! Мы придумаем нечто исключительное, недоступное замшелой бургской науке, и этим средством обуздаем Бург и покончим с его притязаниями на мировую гегемонию!”

Яков пригласил на официальную беседу брата Иосифа. В общих чертах службист обрисовал ученому опасную ситуацию, сложившуюся в сфере государственной безопасности Дрора. “Стратегическую угрозу Бурга следует ликвидировать, - объяснил Яков, - и для этого необходимо разработать, а затем наглядно испытать некое новое средство тотального устрашения. Необходимо мобилизовать лучшие научные силы Дрора и с их помощью претворить в жизнь эффективный проект. Исследованиям гарантируется бесперебойное финансирование, и они будут осуществляться в условиях секретности абсолютной – тайны важно хранить не только от врагов, но и от друзей!”

Как было отмечено выше, Яков запретил публичность научных разработок брата. Не лишенный патриотических чувств, Иосиф принял на себя почетную роль отца важнейшего государственного проекта и, засучив рукава, горячо взялся за дело.

Орпа оставила работу в доме Якова и оставила первоначальное намерение самой добывать свой хлеб. Днем она управлялась по хозяйству и ожидала прихода мужа, а вечером они вместе зачитывались стихами, сочиняемыми Ерэдом.

В один из дней прекрасная идиллия была грубо прервана. Как-то на автомобильной стоянке к Орпе подошел невзрачный молодой человек в рабочем комбинезоне, должно быть, мойщик машин. Протирая лобовое стекло, он тихо, будто невзначай, сказал, мол, кое-где заждались сведений, и слишком долгое молчание вызвало подозрения. Ему поручено напомнить о существовании длинной руки и о хрупкости благополучия престарелого родителя.

5. Промежуточные успехи

Внеочередная Ассамблея Совета Старейшин имела одинаково сильное действие как на особ высокого ранга, так и на простой народ Бурга. И такого единомыслия следовало ожидать, ибо на форуме обсуждались пути окончательного решения проблемы мировой гегемонии. Так уж устроены бургандцы, что заложенное в них исконное сознание национального превосходства требует практического подтверждения. И вот, решением Ассамблеи намечены долгожданные положительные меры. Ощущение превосходства – бесценное наслаждение, праздник души, именины сердца.

Пусть трюизмом прозвучит утверждение, мол, на осуществление любых государственных мероприятий необходимо черпать средства из казны. И все же такое напоминание не покажется лишним, если принять в расчет чудовищность затрат, потребных для благоустройства веселых заведений, для сохранения и воспитания деятельного потомства шедов, появляющихся на свет в результате баталы, и, наконец, для снаряжения посольства на Поклонную гору на поклон к Вышнему.

Львиная доля огромных доходов Бурга от продажи Дрору моторного пойла делилась между гражданами согласно справедливому принципу равенства: имевший много получал много, имевший мало получал мало. Остаток направлялся в казну. Пропитанные благородным отчизнолюбивым чувством, беспорочные бургандцы, коих в стране большинство, хоть и жили

на грани скромности, тем не менее охотно отдавали часть своей части на выполнение патриотических программ. Поэтому никого не должен удивлять незатейливый народный быт страны.

Дабы свершениям прибавить динамичности, высшие должностные лица Бурга постановили проводить регулярные межведомственные рабочие саммиты с целью обмена мнениями, а также для корректировки и координации действий. Узкий круг руководителей собирался в кабинете главы Совета Старейшин. Если требовалось привлечение большого числа задействованных в работе лиц, то заседания переносились в малый зал Дворца Ассамблей.

Обеспечение безопасности саммитов поручалось знакомым читателю охранникам и их неизменному командиру. За беспорочную службу приказом по гарнизону Бурга сержант был произведен в старшие сержанты. Он удостоился государственного ордена и разового допуска в номенклатурный магазин для приобретения домашней мебели. Покладистые бойцы охраны не претендовали на ордена и согласились на медали, в дополнение к которым они получили месячные книжечки талонов на усиленное питание. Умеренностью в наградах побеждается себялюбие.

Заступая на пост, часовые переключались словами песни.

- Скоро поставишь ты мир на колени! - начинал первый боец.
- Бургандия – властная наша страна! – подхватывал второй.
- Мудростью предков, судьбой поколений, - продолжал третий.
- Славься, родная, во все времена! – завершал четвертый.

Чудные слова принадлежали перу сержанта, поэтическое творчество которого было отмечено почетной грамотой Совета Старейшин.

За круглым совещательным столом в кабинете главного старейшины заняли места трое: хозяин помещения, директор Института Государственной Демонологии, председатель Комитета Спецопераций. Бойцы охраны приступили к исполнению своих обязанностей согласно Табелю поста. Саммит начался.

- Позвольте мне открыть наше совещание, - деловито произнес глава Совета Старейшин, - и первым делом доложить о ходе подготовки экспедиции на Поклонную гору на поклон к Вышнему. Мною утверждена кандидатура главы посольства. Это человек средних лет, с незапятнанной биографией и чистой совестью, происходит из трудовой семьи, горячий патриот Бурга. Он достаточно крепок физически, чтобы выдержать тяготы длительного пешего похода.

- Минутку, - подал голос председатель Комитета Спецопераций, - а разве нельзя доставить делегацию на место назначения с помощью гужевого транспорта? В распоряжении моего ведомства имеются упитанные рабочие лошадки, верные благонамеренные ослы, прочные ёмкие подводы!

- К Вышнему ходят пешком! – наставительно заметил директор Института Государственной Демонологии.

- Спасибо, профессор, - откликнулся главный старейшина, - позволю себе продолжить характеристику будущего начальника посольства. Я лично осуществил проверку уровня умственного развития кандидата, и испытуемый прекрасно выдержал экзамен. В беседе с Вышним такой не подведет! Он безусловно оправдает справедливо высокий оклад и двойные командировочные. Сейчас посол занят подбором рядовых членов экспедиции.

- Нелишне было бы познакомиться с вашим протеже! – заметил старейшине генерал.

- Да вы его все прекрасно знаете – это мой старший сын от первой жены! – скромно сказал главный старейшина.

- Есть ли подвижки в обустройстве веселых заведений? – поинтересовался профессор.

- Именно к этому вопросу я и намерен перейти, - ответил старейшина, - Совет постановил замостить брусчаткой грунтовые тротуары в районе. Внутри зданий, в конце каждого коридора, спроектированы и будут сданы в эксплуатацию внутренние ватерклозеты на замену уличных отхожих мест. Для еженедельных проверок женского персонала заведений мы привлечем квалифицированные медицинские кадры. Выделены значительные суммы на ремонт зданий и на ссуды владельцам. Разрешена реклама. Среди граждан Бурга планируется начать пропаганду культурного отдыха в веселых домах.

- Великолепно! – воскликнул генерал, - Я радуюсь маршу, шагам саженным и планов громадьё! Теперь не скажет недруг, дескать, бургская идея лишена человеческого лица!

- Довольно эмоций, - строго заметил главный старейшина, - давайте выслушаем отчет нашего уважаемого профессора.

- Ученые вверенного мне института, - начал свое сообщение профессор, - установили, что количество и качество шедов, возникающих вследствие баталы, то бишь излияния семени бургского мужчины внутрь дрорской особи женского пола, зависит от некоторых характеристик обеих занятых в акте сторон.

- Что же это за характеристики такие? – не сдержал нетерпения главный старейшина.

- Во-первых, речь идет о возрасте, - пояснил профессор, - чем моложе совокупляющаяся пара, тем более эффективна батала, то есть тем больше шедов появляется на свет из порции изливаемого семени. Во-вторых, имеет значение половая конституция участников действия. Чем выше накал страсти, тем активнее нрав нарождающихся шедов.

- Каковы ваши конкретные рекомендации? – спросил генерал.

- Попросту говоря, - ответил профессор, - важно привлекать к этому государственной важности делу людей молодых и горячих.

- Какие практические шаги потребуются? – задал вопрос старейшина.

- В моем институте создается лаборатория для исследования половой конституции персонала и посетителей веселых заведений. Думаю, нам понадобятся характеристики с места работы и проживания. Мы будем рекомендовать государственное регулирование цен и установление прейскуранта. Стоимость услуг должна зависеть от возраста и темперамента.

- Будем ждать рекомендаций, - сказал главный старейшина, - а имеются ли новые сведения об Асмодае, царе шедов?

- Да, появились свежие данные, и они, к сожалению, вызывают некоторую тревогу.
- Что именно беспокоит вас, профессор? – озаботился генерал.
- Дело в том, - ответил директор института, - что мы не имеем права слепо полагаться на лояльность Асмода. Беседы с царем шедов убедили наших психологов в амбивалентности его взглядов. Проще говоря, Асмодай, ныне работающий на нас, вполне может оказывать помощь и нашим противникам.
- Вот так сюрприз! – разочарованно воскликнул главный старейшина, - почему же, по мнению ваших психологов, царь морально неустойчив?
- Способности своего аналитического ума Асмодай употребляет для изучения нравов равно как бургандцев, так и дрорцев. В деле воспитания шедов и в управлении ими он видит для себя скорее гносеологический, нежели идейный или корыстный интерес. Другими словами, Асмодай взял на себя роль инженера человеческих душ. С равным любопытством он изучает и нас, и дрорцев. Однако инструменты воздействия на него – это, скорее, епархия Комитета Спецопераций.
- Уважаемый председатель Комитета, - взволнованно воскликнул главный старейшина, - мы готовы выслушать ваши соображения по этому и по другим вопросам.
- Как видно, Асмодай – тот еще фрукт, - констатировал председатель Комитета Спецопераций в обычной для него шуточной манере, - к счастью, для нашего ведомства не существует неразрешимых проблем, и любые вызовы нам по плечу. Мои химики создали универсальное назидательно-исправительное средство, называемое “дебютант”. Снадобье это существует в трех агрегатных состояниях – газообразном, жидком и твердом. Эффективность дебютанта доказана на практике. Поэтому, если Асмодай и его банда вдруг станут совершать ошибочные шаги, мы применим к ним нашу секретную разработку.
- Отчего, генерал, ваша придумка названа “дебютант”, - полюбопытствовал профессор.
- Название панацеи дано в честь молодого специалиста, предложившего ее химический состав. Секретность не позволяет нам открывать имя изобретателя. Кстати, этот способный юноша начинал свою трудовую биографию в вашем институте, но, недовольный зарплатой, перешел в мое ведомство. Как видите, мы привлекаем людей не только красивой формой, но и солидным содержанием, - снова пошутил генерал.
- Есть о чем подумать, - пробурчал профессор и сделал запись в блокноте.
- Генерал, - обратился главный старейшина к председателю Комитета, - мы знаем о свойственном вам немногословии, диктуемом, впрочем, спецификой деятельности. Тем не менее я позволю себе напомнить, что на Ассамблее вы высказались о необходимости углубить проникновение нашей агентуры во вражескую среду. Что вы можете доложить по этому поводу?
- Агентесса Орпа, дочь номера первого в списке на продвижение, успешно внедрена нами в элитную среду Дрора. Она вышла замуж за оскандалившегося в Бурге торговца Ерэда. Через наших связных она начала поставлять полезную информацию. Открывать подробности я не имею права. Однако запланированная беседа с Асмодаем даст вам и профессору частичное представление о характере ее деятельности. Например, Орпа докладывает нам о результатах труда шедов в Дроре.

- Благодарю вас, генерал. Думаю, нам пора расслабиться. После непродолжительного укрепляющего отдыха мы перейдем в малый зал, где нас ожидает Асмодай и его команда, - произнес глава Совета Старейшин и объявил перерыв.

На авансцене малого зала Дворца Ассамблей располагался покрытый зеленой суконной скатертью длинный стол президиума, предназначенный для заседания царя шедов Асмодая, главы Совета Старейшин, директора Института Государственной Демонологии и председателя Комитета Спецопераций. Против каждого места возвышалась, как принято в Бурге, пластиковая бутылка с минеральной водой из озера и стакан дорогого хрусталя.

Пустой зал гудел, гомонил, галдел. Места занимали невидимые шеды, они и производили шум. Программа совещания предусматривала беседу Асмодая с шедами в присутствии главного старейшины, профессора и генерала. Руководители рассядутся в президиуме на авансцене. Затем шеды покинут помещение, а высокопоставленные участники встречи подпишут совместный протокол совещания и, если позволят силы, перейдут к дружеской неформальной беседе.

Кратко о внешности Асмодая. Царь шедов выглядит как элегантный мужчина высокого роста. Он одевается изящно, даже несколько шеголевато. На нем отлично пошитый костюм-тройка, аккуратно повязанный галстук, безукоризненной белизны рубашка. Находясь в человеческом обществе, он не снимает шляпу, скрывающую маленькие рожки. Руки его в перчатках, дабы не видны были когти на пальцах рук. Ноги обуты в очень большие ботинки, на четыре-пять номеров превышающие размер ступни. Такая обувь прячет ножные когти. Тело Асмодая покрыто густыми волосами. Впрочем, мех его отлично ухожен – тщательно вымыт, причесан, напомажен.

“Мне нечего стесняться моего тела, - говорит себе царь шедов, - я могу публично снять рубашку и штаны, а вот начальники над человеками, если и сделают это, то шокируют окружающих своей неэстетичной наготой!”

Скажем несколько слов о воинстве Асмодая – о шедах. Они, как известно, являются порождением баталы, то есть возникают в результате излияния семени бургандскими мужчинами, развлекающимися в веселых заведениях.

Сразу оговоримся. Ни один шед не рожден женщиной. Беременность вовсе не предшествует появлению шеда на свет. Эти существа материальны лишь наполовину. Природа другой половины их сущности пока не ясна науке, и над разгадкой тайны трудится коллектив Института Государственной Демонологии.

Шеды скрыты от человеческого глаза. Однако царь Асмодай прекрасно видит их, ибо он способен различать объекты в инфракрасном спектре. Шеды умеют летать, причем двигаются в пространстве настолько быстро, что людям их перемещение кажется мгновенным.

Детища баталы специализируются по роду деятельности, и этим определяется место обитания каждого конкретного индивидуума. В целом, они пребывают в трех средах – в воздухе, в воде, на земле.

Перелетая с места на место, шеды находятся в воздухе. Предпочитающие влажную среду шеды селятся в реках, озерах, колодцах и в отхожих местах. Любители сухих пространств проживают в горах, глухих лесах, в густых зарослях кустов, на крышах домов.

Важно заметить, что наставляемые царем шеды, как правило, наносят вред человеку. Однако Асмодай иной раз удерживает своих бойцов от злонамеренной деятельности. Кроме того, ему известны приемы нейтрализации вреда. Разумеется, он далеко не всегда делится своими секретами с простыми шедами.

Сидевший за столом президиума Асмодай встретил широкой улыбкой и легким поклоном главного старейшину, профессора и генерала. Вошедшие заняли места справа и слева от царя шедов.

- Друзья, давайте поприветствуем вставанием и голосом наших высших начальников! – крикнул Асмодай своим подданным.

Раздался мощный деревянный стук, словно десятки людей одновременно встали со своих откидных сидений. В следующее мгновение прозвучал отрепетированный громогласный клич: “Служим славной Бургандии!” Вновь дружно грохнули возвращаемые на место сиденья. Старейшина, профессор и генерал с недоумением глядели в пустой зал.

- Напоминаю, - сказал Асмодай своим соседям по президиуму, - приветствовавшие вас шеды невидимы вам. Зато я их хорошо вижу. Вы же их только слышите.

- Этого нам достаточно? – с сомнением спросил главный старейшина.

- Вполне! – ответил Асмодай, - прошу также принять во внимание, что здесь, в малом зале, присутствуют лишь отдельные представители многотысячной армии шедов. Это начальники и старшие мастера моих производственных подразделений. Я буду задавать им вопросы, и вместе мы станем слушать их ответы. Надеюсь, у вас сложится достаточно полное представление о нашей с шедами деятельности.

- Я тоже надеюсь на это, - строго проговорил генерал.

- Я заинтригован, - сказал профессор, - все так таинственно и многообещающе!

- Итак, мы начинаем, - сухо произнес Асмодай, - цех номер один – это цех крайних средств. Начальником сей службы являюсь лично я. Цель тружеников моего подразделения – убивать первенцев мужского пола в молодых семьях. Другая задача работников состоит в отравлении людей сильнодействующими ядами. До настоящего момента мною не усмотрены основания для убиений и отравлений в Дроре.

- Разумный подход. Крайние средства следует беречь для крайних обстоятельств, - заметил старейшина.

- Если усмотрите основания, то попрошу действовать с соблюдением мер гуманного умерщвления, - предупредил профессор.

- Простите, Асмодай, - вмешался генерал, - вы говорили о применении ядов. Вы что-нибудь слышали о дебютанте?

- Да весь мир слышал о дебютанте! – ответил Асмодай, - хочется кричать стихами: громкое имя его гремит, словно звонко щелкающий курок, а сон, им навеянный, страшно глубок! Но, во-первых, я не поэт, а, во-вторых, я не люблю синтетические продукты. Мы пользуемся натуральными природными ядами, скажем, красным мухомором или пятнистым болиголовом.

- И правильно делаете, молодцы. Я спросил любопытства ради. Продолжайте, - сказал генерал.

- Сейчас я попрошу высказаться начальницу лаборатории болезнетворных средств. Она доложит нам о первых успехах.

- С удовольствием доложу! – прозвучал женский голос из пустоты зала, - ежедневно я сама разъезжаю по улицам Дрора на невидимой золотой колеснице. Мой колчан полон. Я выпускаю из своего лука незримые стрелы. Их наконечники смазаны вакциной лихорадки. Жертвы не чувствуют ранения, но по прошествии трех дней инкубационного периода люди благополучно заболевают и заражают окружающих.

- Каковы течение и продолжительность недуга? Дает ли болезнь осложнения? – поинтересовался профессор.

- Заболевание протекает сравнительно легко и продолжается две-три недели. В качестве осложнения я бы назвала появляющуюся у переболевших склонность к бездеятельности.

- Лень - это замечательно! – воскликнул главный старейшина, - так мы развеим миф о пресловутой трудовой морали доррцев!

- Мой помощник умеет одарять людей падучей!- добавила ободренная похвалой начальница лаборатории.

- Это нам пригодится! Падучая собьет спесь с самодовольных доррцев, уверенных, что твердо стоят на ногах. И пусть себе падают! - воспользовался случаем для юмора генерал.

- Работники цеха номер два, - продолжил Асмодай, - трудятся над внедрением разврата в нравы жителей Дрора. Сейчас выскажется начальник цеха, заслуженный шед.

- В моем подчинении имеются два участка, - сказал начальник цеха, - один из них, женский, возглавляемый красавицей, занимается совращением неженатых мужчин. Работники мужского участка, во главе которого стоит красавец, посвящают свое рабочее время перевоспитанию девственниц. Вот, собственно говоря, и всё.

- Уверен, результаты работы второго цеха обязательно проявятся, - заметил директор института, - эротические впечатления затуманят мозги хоть кому, а уж у доррцам-то с их скандальной историей – и подавно!

- А что предпринимается для разрушения прочных супружеских союзов? – задал вопрос старейшина.

- Над этим вопросом мы работаем, - ответил Асмодай.

- Прошу учесть, что супружество Орпы и Ерэда не должно становится объектом вашей деятельности, - предупредил председатель Комитета, - безоблачность их брака важна моему ведомству.

- Учтем. Теперь я предоставляю слово начальнику отдела ментальных расстройств.

- Буду краток, - заявил начальник отдела, - мои шеды являлись к жителям Дрора во сне и вызывают у спящих кошмарные сновидения. Другая категория работников умело оглушает доррцев, представляющихся мне чересчур умными.

- Считаю такую деятельность полезной, - сказал главный старейшина, - после ночных кошмаров рабочий день не задастся. Оглушение рекомендую применять в среде политической и научной элиты Дрора.

- Цех номер три, - продолжил Асмодай, - цех бытового злонравия. Руководство этим ответственным поприщем отдано в женские руки, что совершенно естественно, не так ли?

- Пожалуй. Вам, Асмодай, нельзя отказать в богатстве жизненного опыта, - заметил главный старейшина.

- Не дожидаясь просьбы моего царя, - заговорила начальница цеха, - я сообщу о направлении работы моих шедов. Они сеют ссоры среди дрорцев. Распускают сплетни. Оговаривают, пробуждают вражду и злость. Пользуясь случаем, я намерена разбить существующее предвзятое мнение, якобы мужчины устойчивы против нашего воздействия. Ничего подобного! Наша статистика свидетельствует о фактическом равенстве полов!

- Мне нравятся ваши либерально-прогрессивные идеи! – одобрил профессор.

- Внутренняя вражда в рядах противника ослабляет его боевой дух. Деятельность вашего цеха нам на руку, - похвалил генерал.

- Сейчас я предоставлю слово молодому ученому шеду, руководителю экспериментальной лаборатории криминалистики, - сказал Асмодай.

- Работники моей лаборатории, - зазвенел задорный голос в пустоте зала, - исследуют нравы дрорцев с целью последующего обучения их воровству, разбою, грабёжам, физическому насилию над личностью. Беда в том, что народ сей от природы миролюбив. Мы видим нашу задачу в положительном решении этой проблемы. В лаборатории пишутся наставления и памятки для обучения наиболее способных граждан Дрора. Кстати, мы используем положительный криминальный опыт Бурга.

- Воспитание агрессивности и страсти к присвоению чужой собственности неизбежно ослабит противника изнутри, - воскликнул старейшина, - это очень полезная работа! Обратите внимание, дорогой профессор, научные исследования ведутся не только в вашем институте, но и демонологическом сообществе. Что вы на это скажете?

- С разрешения Асмодая и начальника криминалистической лаборатории я побеседую с учеными шедами на предмет научного сотрудничества, - ответил профессор.

- У нас имеется еще одно подразделение, так называемый отдел превентивных мер. Слово – руководителю отдела, - произнес Асмодай.

- Мои работники, - сказал руководитель, - делают вещи достаточно простые и маловредные, направленные, в основном, на детей и юношество. Мы обучаем мальчиков непристойным выражениям, убеждаем девочек подолгу загорать на солнце, в результате чего они получают ожоги, и, наконец, изглаживаем из памяти учащейся молодежи пройденный материал.

- Это совсем не так мало, как может показаться на первый взгляд, - заметил генерал, - дети имеются почти в каждой семье, и доставляемые ими неприятности действуют на родителей не хуже, чем подозрения в супружеской неверности. Замечательные превентивные меры! Они переключают внимание дрорцев на узкосемейные проблемы.

- Итак, почтенные мои принципалы, я представил вашему вниманию работу наших производственных подразделений, - заявил Асмодай, - надеюсь, беседа оказалась полезной. Сейчас я бы хотел закончить совещание и отправить шедов на рабочие места.

- Благодарю, вас, Асмодай. Профессор, генерал и я вполне удовлетворены. Всё, что нам осталось сделать – это подписать совместный протокол и неформально побеседовать о жизни.

6. Двойная лояльность

Несколько слов о родимых пятнах. На коже почти каждого из нас нет-нет да и сыщется кружок коричневого оттенка. Медицинская наука изучила это явление и преподнесла нам свои остерегающие выводы. В отличие от ученого суесловия, мудрое народное поверье рассмотрело проблему глубоко и вдумчиво. В результате мы получили скрупулезный анализ влияния пятна на судьбу человека в зависимости от его размера, формы, местоположения на теле и волосатости.

Поскольку настоящая повесть всерьез занимается вопросами демонологии, то и предсказательная сила родимых пятен должна быть принята нами с полным доверием. Не станем вдаваться в многообразные воздействия родинок на нашу планиду. Отметим лишь, что люди, главным образом молодые женщины, уверены в счастливых предзнаменованиях, таящихся в темных пятнышках, если те эстетичны и находятся на правильных местах.

Скромность не позволяет нам открыть секрет расположения родинок на теле у Орпы, однако заметим, что, благодаря им, она имела серьезные основания верить в свою удачу. Впрочем, темные кружки в их материальном проявлении не составляют предмет нашего рассмотрения. Нам важно обратить внимание на их некое нематериальное свойство, а именно: благодаря своей большой значимости в человеческой судьбе, родимые пятна обладают способностью выражать всякого рода врожденные понятия ума. Выражения “родимые пятна” и “врожденные понятия” в некотором смысле являются синонимами. Врожденность есть нечто более глубокое, чем привычность. Смысл сего прояснится ниже из конкретного примера.

В этом пункте мы подошли к раскрытию одной важной особенности мировоззрения Орпы. Как известно, наша героиня с юных лет не принимала душою образ мыслей бургандцев. Она интуитивно ощущала тягу к дрорским ценностям. Оказавшись в Дроре, да еще выйдя замуж по любви, она, наконец, почувствовала себя в своей тарелке. И даже удивила самую себя, согласившись сотрудничать с Яковом, передав ему некоторую важную информацию о своей бывшей родине.

Вот тут-то и случилось действительно нечто удивительное. Откуда ни возьмись, в душе Орпы зашевелилась любовь к покинутой стране. С чего бы? Сознание ее складывалось не в Дроре, но в Бурге, и посему сердце девушки без ее ведома приютило родимые пятна Бургандии. Нет, перемена не пробудила в Орпе тягу к прошлой жизни. Перемена подвинула ее к двойной лояльности.

Орпа одновременно помогала секретным службам и Дрора, и Бурга. Она слышала о мстительной силе дебютанта, но гнала прочь страшные мысли, уповая на добрые предвестия своих родинок.

Не объяснить словами народившийся нежданно-негаданно сентимент. Как говорится, мрак укрывает тайну, и темны воды небесные. Возможно, лояльность освобождает от необходимости думать.

Ерэд все меньше сочинял стихов и все больше купечествовал. Способствовали сей постепенной перемене его коммерческие успехи. Наживание увлекает, барыши радуют, а романтические порывы при этом замирают. Хотя со дня женитьбы минуло несколько месяцев, тем не менее столь значительное время почти не притупило чувств Ерэда к молодой жене. Когда дела наседали, и он возвращался домой ближе к ночи, то непременно умиротворял заждавшуюся супругу каким-нибудь милым женскому сердцу подарком.

Асимметрично микроскопической убыли мужской любви противопоставилась макроскопическая прибавка любви женской. Романтично-рациональная Орпа безмерно радовалась удачному замужеству. Вместе с нежными чувствами к мужу росло торжество достатка. Хотелось бы ей, чтобы бывшие подруги из Бурга знали и завидовали, но ничего не поделаешь – непроницаема для глаза и уха каменная завеса меж странами.

В последнее время Орпа стала замечать, что среди дружественных им с Ерэдом молодых супружеских пар почему-то возникали беспочвенные разногласия. Жены жаловались, якобы приходят к ним во сне какие-то невидимые существа и рассказывают о неверности их мужей. Сама же Орпа спала отменно и не могла сетовать на тревожные сны.

Ерэда и Орпу приняли в клуб, членами коего состояли, как правило, солидные и достойные представители высшего среднего класса. Пусть вновь поступившие были пока еще беднее большинства своих новых друзей, однако молодость и красота тоже чего-то стоят. Клубы зиждутся на еде, питье и любовности – то есть на том, что сплачивает большинство людей.

Надо заметить, что проникнутые либеральными идеями дорские клубы не имели ничего против приема женщин. И это не смотря на царившие в Дроре архаично-строгие нравы в отношении семьи и брака!

Пребывая в клубе, Ерэд сживал наверху в кресле, просматривал финансовый раздел местной газеты и значительно беседовал со значительными людьми. Тем временем внизу, на зеленой лужайке, вооруженная ракеткой юная Орпа наносила точные удары по маленькому мячу. Красивая, стройная и ловкая, одетая в белоснежный спортивный костюм, она притягивала бескорыстные мужские взгляды.

Молодая семья успела уже сменить два поколения автомобилей. Каждый новый экземпляр отличался от прежнего совершенством внутреннего устройства и удобством управления. Мотор бывал сильнее, быстрота больше, сиденья мягче. Автомобиль в Дроре – визитная карточка его владельца. Местные мастера фольклора ввели в обиход поговорку: “По жестянке встречают, по ней и провожают”.

Клуб – хорошо, а семейные встречи – еще лучше! Собирались обычно в особняке у Якова. Он получил повышение по службе. Жалованье существенно выросло, и жена его более не намекала гостям, мол, пиршества происходят на началах складчины. Приходили Орпа с Ерэдом и холостой Иосиф. Обязательно приглашались родители братьев и, конечно, отец с матерью хозяйки дома. Дети Якова становились добычей бабушек и дедушек. Старый и малый занимались друг другом, и поэтому среднее поколение без помех предавалось важным беседам.

Поначалу разговор носил пленарный характер и посвящался обсуждению общих знакомых и вопросов актуальной политики. Затем гости и хозяйка разбивались на две группы по гендерному признаку. Хозяйка дома делилась с Орпой проблемами воспитания детей, а та, в свою очередь, рассказывала об успехах освоения ею искусства кулинарии. Мужчины

трактовали достоинства и недостатки новых марок автомобилей, а также дискуссировали о возможных перспективах войны с Бургандией.

В конце приема Орпа и Яков незаметно уединялись и лаконично обменивались секретной информацией, представляющей национальный интерес. Подробности об этом – впереди. С Иосифом же Яков встречался в своем кабинете. Высокопоставленный функционер бюро по расследованию антидрорской деятельности заслушивал доклады руководителя важнейшего государственного проекта о продвижении работ.

Как-то раз Орпа сообщила Ерэду об исключительно важном факте супружеской жизни. Муж отнесся к известию с чрезвычайной серьезностью. Он авторитетно заявил: “Беречь и пестовать потомство следует начинать заранее, еще до появления онога на белый свет”. Ерэд добавил, что не пожалеет никаких денег для достижения высокой цели и привел жену к одному из самых дорогих врачей Дрора.

Юная и полная сил Орпа чувствовала себя прекрасно, но почла за благо не возражать мужу. С немалым облегчением и тайной радостью Ерэд запер под замок ракетку и белоснежно-кокетливый спортивный костюм молодой жены. Он давно мечтал это сделать, но теперь, наконец-то, у него появилось твердое непререкаемое основание. Благодаря хорошему здоровью Орпа смогла в полную силу продолжать свою секретную деятельность на пользу и вред двух стран.

Вернемся к неприметному молодому человеку, с которым Орпа однажды имела беседу на автомобильной стоянке. Этот скромный парень трудился мойщиком машин, и, как читатель уже понял по характеру переданного им Орпе сообщения, являлся тайным бургским агентом в Дроре. Такая же мысль пришла в голову и героине нашей повести. Она сделала правильный вывод – ходячий комбинезон не оставит ее в покое. Поэтому будет лучше первой проявить инициативу, познакомится и подружится с пролетарием.

- Здравствуйте, - произнес труженик, снова встретив Орпу на своем рабочем месте, - надеюсь, вы догадались о моей роли в нашем общении?

- Конечно догадалась! – приветливо ответила Орпа, - я думаю, коли нам предстоит совместная работа, то для начала неплохо бы познакомиться. Меня зовут Орпа. Впрочем, уверена, имя мое вам известно.

- Да, известно. Открыть свое настоящее имя я не имею права. Мое служебное имя – Кешер. Прошу, если не любить, то жаловать!

- Обещаю стараться, Кешер! Вы связной? Вы тот человек, которому я должна передавать донесения в Комитет Спецопераций?

- Совершенно верно. Однако, Орпа, на территории противника не следует произносить вслух название нашей организации. Имейте в виду.

- Не знала. Исправлюсь. Мое первое донесение будет готово со дня на день.

- Встретимся послезавтра в это же время. Вот вам конверт, в него запечатаете послание и передадите мне. Сейчас я на работе, пойду мыть машины.

- Погодите, Кешер, не торопитесь. Нам есть о чем поговорить. Я думаю, вам хорошо известна моя история. Хотелось бы больше знать о вас. Не могу ли я быть вам полезна, не испытываете ли вы нужду в средствах? Комбинезон ваш выглядит неважно, заплатки на нем. Рассказывайте, не стесняйтесь, я помогу вам.

Теплые слова до невозможности растрогали Кешера. Жизнь в Бурге не баловала его. Он поддался соблазну момента и поведал Орпе некоторые подробности своего прошлого и нынешнего бытия.

- Я – сирота, - начал Кешер, - рос в детском приюте. Голодно и холодно. Как-то раз одна богатая бездетная семья из Дрора пожелала усыновить меня, но, к несчастью, был издан закон “О национальной гордости бургандцев”. Я остался на попечении государства.

- А как же вы попали на нынешнюю вашу службу?

- Страдая от недоедания в подростковом возрасте, я совершил несколько краж съестного. Я был пойман и заключен в детскую трудовую колонию, из которой вскоре бежал. Для меня началось горькое время беспризорщины. Ночевал под котлами, в каких смолу варят. И вот чудо: совершенно неожиданно обнаружилось, что я прекрасно играю на фортепиано и артистически пою романсы!

- Да вы, Кешер, по-настоящему талантливы!

- Может и так, но по глупости закопал свой талант в землю!

- Жаль. Ведь имеющему дастся, а у неимеющего отнимется!

- Вышло не так. Женился я. Детки пошли. С темными родимыми пятнами в биографии ни на какую службу меня не брали. Опять стал воровать.

- А все-таки, как вы оказались здесь?

- Очень просто. Попался на краже. Двое в синем, двое в штатском, черный воронок. Привели меня в учреждение, название которого нельзя произносить вслух на территории противника. Говорят, мол, ты замаран. Выбирай – или дашь согласие служить в нашем ведомстве, или отправишься за решетку, а жену и детей мы поместим в лагерь перевоспитания для членов семей правонарушителей. Я выбрал то, что выбрал.

- Я поняла. И каково же вам теперь живется, Кешер?

- Неважно живется. Я ведь на крючке. Наниматели мои пользуются этим и платят мало. Что остается – посылаю домой семье.

- Вот вам деньги, отправьте жене в Бург.

- Не знаю, как и благодарить вас, Орпа!

- Благодарить меня – дело для вас совершенно простое! Я ведь женщина, а женское любопытство крайне велико ...

- Почти не уступает мужскому, - перебил Кешер.

- Может быть, - улыбнулась шутке Орпа, - вот мне и хотелось бы знать о происходящем в Бурге. Вы связной, и вам известны тамошние новости. Делитесь со мной!

- Разумеется, Орпа!

- Замечательно. А я установлю ежемесячную добавку к вашему скудному бургандскому заработку. Лады, Кешер?

- Лады, Орпа!

Орпа и Кешер – люди деловые, и оба добросовестно исполняли свой устный договор. Он сообщал ей новости из Бурга, а она поддерживала его семью и передавала конверты с донесениями генералу.

Тем временем в Дроре стали слишком заметны некоторые неблагоприятные перемены. Бдительный Яков, высокопоставленный чиновник бюро по расследованию антидрорской деятельности, обратил внимание на странные и прежде неизвестные явления.

Участились заболевания лихорадкой, а исцелившиеся неохотно возвращались на работу, что было не характерно для дрорцев. Врачи заметили неожиданную вспышку падучей болезни. Пошатнулась нравственность граждан. Холостые мужчины принялись склонять одиноких женщин к сожительству, вместо того, чтобы предлагать вступление в законный брак. Еще хуже: девицы начали сомневаться в правильности непорочного нравственного пути.

Брат Иосиф сообщил Якову, что некоторые из ученых, работающих над государственным проектом, стали жаловаться на ночные кошмарные сновидения, мешающие им сосредоточиться днем. В целом доброжелательно-прозрачные взаимоотношения дрорцев замутились участвовавшими ссорами. Были зафиксированы несвойственные Дрору случаи покушения на имущество граждан и даже насилия над личностью. На улицах появилось сквернословие.

Орпа, как и Яков, обратила внимание на прискорбные факты. Она была осведомлена об их источнике, так как имела сведения от Кешера, которыми намеревалась поделиться с дрорским патроном. При этом ей важно было сохранить в тайне от него свою деятельность в пользу Бурга.

Яков узнал от Орпы несколько важных вещей. Во-первых, в Бурге имел место саммит, на котором обсуждались пути ликвидации тотального влияния Дрора и захвата мировой гегемонии Бургом. Во вторых, начал активно действовать Асмодай, направляющий свою разбойничью армию. В-третьих, на саммите царь шедов доложил о первых достижениях его вредоносных питомцев. Информация о демонологической активности вполне соответствовала последним событиям в стране.

Еще одно сообщение Орпы позабавило Якова. Оказывается, бургандская экспедиция на Поклонную гору на поклон к Вышнему уже в пути. Этому обстоятельству он посмеялся, но на всякий случай обеспокоился и стал размышлять об ответных мерах.

Яков был весьма признателен Орпе, но к чувству благодарности примешивались тревожные сомнения. Если она осведомлена о деталях, стало быть, некто, связанный с Бургом, извещает ее. А не являются ли Орпа и этот некто бургскими агентами?

Яков спросил Орпу напрямую – откуда информация? Та заранее подготовилась к такому вопросу и привела невинное объяснение, дескать, случайно познакомилась с одним бедным

работягой из Бурга, он тут на заработках, а семья его на родине бедствует. “Я призналась пролетарию, мол, женское любопытство нестерпимо мучит меня. Теперь за небольшие суммы он передает мне бургандские новости, получаемые от жены!” - сказала Орпа бдительному службисту. Яков похвалил ее за смекалку и успокоился.

Подчиненные Якова получили команду начальника определить местонахождение недружественной экспедиции, а далее следить за ее продвижением и регулярно информировать его. Кроме того, босс потребовал от заместителя внести предложения об установлении всевозможных препон на пути бургского посланничества.

Яков решил направить на Поклонную гору собственную миссию. Предполагалось, что когда Вышний рассмотрит чаяния обеих сторон, то, по свойству нелицеприятности своей, непременно примет объективное решение в пользу Дрора.

На следующий день в дрорских газетах было опубликовано объявление о конкурсе на должность руководителя экспедиции на Поклонную гору. Яков самолично интервьюировал кандидатов, которых, как и ожидалось, оказалось не слишком много. Он выбрал более или менее подходящего человека, сообщил условия оплаты и заключил с ним трудовой договор на один год. Новоиспеченному начальнику предоставили неделю для ознакомления с предметом. На него же возложили подбор рядовых участников экспедиции. Логистику всех родов, включая автомобильный транспорт, взяла на себя служба Якова.

Следующий важный шаг – установление контакта с Асмодаем. Необходимо было найти подходящего субъекта, способного выйти на связь с ним. Яков не хотел привлекать для этой цели Орпу, ибо сомневался в лояльности ее пролетария. Кроме того, он полагал, что наводнившие Дрор шеды – это не заслуживающие доверия пешки, которым навряд ли можно поручить передачу сообщения Асмодаю.

Однако делать нечего, и Яков решился рискнуть и воспользоваться помощью шеда. На ночь глядя он улегся в постель и притворился спящим. Когда явился шед со своими кошмарными сновидениями, Яков шепнул невидимому визитеру, мол, передай своему царю, чтобы в ближайшие дни явился ко мне, а за услугу расплачусь с тобою щедро.

На утро Асмодай поджидал Якова в его кабинете.

- Вы уже здесь, почтенный царь шедов? – изумился Яков, - приветствую вас! Однако как же вам удалось столь быстро преодолеть расстояние меж Бургом и Дрором?

- У каждого из нас есть профессиональные тайны. Желаю вам здоровья, Яков, и рад встрече, - ответил Асмодай.

- Предлагаю не тратить время попусту. Возьмем быка за рога и перейдем к делу!

- Согласен. Чем обязан вашему вниманию к моей монаршей персоне?

- Вы, почтенный, наслали к нам шедов, и спасу от них нет!

- Опять же согласен. И чем же досаждают вам мои подданные?

- Всеми прелестями, о которых вы, Асмодай, докладывали на саммите в Бурге!

- Какая осведомленность! Откуда, если не секрет?
- У каждого из нас есть профессиональные тайны, не так ли?
- Bravo, Яков. Чего вы хотите?
- Уймите свою банду! За ценой я не постою.
- Хорошо. Я накину узду на своих солдатиков. Но платы не надо – мы работаем бескорыстно, нами движет познавательный интерес.
- Благодарю за согласие. А в чем состоит ваш познавательный интерес?
- Хотим знать, чем закончится противостояние Бурга и Дрора при условии, что мы одновременно помогаем и мешаем обеим сторонам. Такое исследование позволит нам оценить эффективность и недостатки в нашей работе и произвести необходимые корректировки на будущее.
- Желаю вам научных и трудовых успехов. Наука и труд – высокие цели Дрора. Такова наша история!
- Допустим. Что-нибудь еще, Яков? - спросил Асмодай.
- Э-э-э-э, пожалуй, вот что. Могли бы вы навредить бургской экспедиции на Поклонную гору на поклон к Вышнему?
- Я ожидал услышать такую просьбу. Пока ничего не обещаю. Обдумаю.
- На добром слове спасибо.
- Пожалуйста. Я устно сообщу вам, Яков, некоторые рекомендации, частично нейтрализующие приносимый шедами вред. Можете не конспектировать, я оставлю письменный документ.
- Слушаю вас, Асмодай.
- Людям науки и управления не рекомендуется оставлять открытым рабочий материал. Шед заглянет в него, и человек забудет суть изученного. Если это все-таки случится, нужно снова прочитать текст и повторить его сто один раз. Холостому мужчине нельзя спать дома одному: его непременно соблазнит красавица – шед в женском облики. Чтобы не стать жертвой агрессии шеда, запрещено испражняться между двух больших деревьев. Дабы не подхватить лихорадку, ни в коем случае нельзя есть на завтрак два яйца, ибо четные числа несчастливые. Не буду продолжать перечисление, вы все почерпнете из моей брошюры. Советую издать ее массовым тиражом и распространить среди населения.
- Чрезвычайно признателен вам, Асмодай.
- До свидания, Яков.
- До свидания, почтенный царь.

Провернув два дела – организация экспедиции и вербовка Асмодая – Яков пожелал встретиться с Иосифом для подробной беседы о ходе работ над проектом государственной важности.

Брат явился к брату. Старший докладывал, младший слушал. К огорчению обыкновенных читателей сообщаем, что научное содержание беседы выходит за рамки их компетенции, поэтому передавать содержание проекта не имеет смысла. Кроме того, не будем забывать об ограничениях строгой секретности. Широкая публика познакомится с готовым результатом, и это должно произойти, по утверждению Иосифа, очень скоро. Братья расстались в приподнятом настроении.

Орпа исправно получала конверты от своего подопечного. Она запечатывала в них донесения в Бург, а мойщик машин, он же связной, он же Кешер, переправлял их в Комитет Спецопераций.

Прочитав в газетах конкурсное объявление о поиске начальника экспедиции на Поклонную гору, Орпа сделал правильный вывод: Яков задумал контрплан. Она немедленно передала генералу эту волнующую новость.

От наблюдательного ока Орпы не ускользнул тот факт, что интенсивность вредоносной деятельности шедов пошла на спад. У молодой женщины имелись все основания радоваться этому, ибо в ее деликатном положении совершенно излишне было бы заболеть лихорадкой, не говоря уж о падучей. Да и за мужа она опасалась – совсем не хотелось ей, чтобы Эрэд стал жертвой кошмарных сновидений, и, как следствие, поглупел. Тогда неизбежно пришел бы конец его выгодной коммерции, а ведь надо ипотеку погашать! Разве можно разлюбить мысль о богатстве на всю жизнь?

Орпа немедленно смекнула, что Яков, по всей вероятности, сумел повлиять на Асмодея, и тот, в свою очередь, придержал прыть подданных. Да и изданная недавно книжица с научными рекомендациями об избежании вредных внешних влияний косвенно свидетельствовала о договоренности двух важных персон. Орпа составила еще одно донесение в Бург.

Пожив среди дрорцев, агентесса достаточно хорошо уразумела их характер – избегать прямых столкновений с противником, но побеждать его средствами науки и инженерии. Наблюдая за старшим из братьев, Орпа обратила внимание, как Иосиф, который был необычайно сосредоточен и занят в последнее время, вдруг заметно повеселел, словно ему удалось решить некую научную задачу. Она заподозрила, что Иосиф работает над неким изобретением, направленным против Бурга. Верно ли такое предположение? Если да, то ее бывшей родине грозит серьезная опасность. Ведь оружие, выдуманное ученым, наверняка окажется много эффективнее, чем бургандские задумки - экспедиция к Вышнему и происки шедов.

Как подтвердить подозрения? Одно из родимых пятен Бурга – высочайшая оценка полезности компрометирующего материала на коллег, соратников, соплеменников. Орпа проследила за Кешером и обнаружила, что прекрасный семьянин дружит с кухаркой Иосифа. Ценная находка. Орпа без околичностей заявила Кешеру о своей осведомленности и под угрозой разоблачения потребовала разговорить подругу – пусть-де кухарка выложит все случайно слышанное и веденное ею.

Кешер, сирота с детства, много настрадавшийся от одиночества, очень ценил прочность своей семьи, и поэтому старался, как мог, выполнить ультимативное поручение. Предпринятые Яковом меры секретности, казалось, совершенно исключали утечку информации. И все же один разок кухарка слыхала обрывок разговора хозяина с коллегами. Она уразумела, что ученые трудятся над неким тайным изобретением, направленным против Бурга. Это она и поведала милому, а тот немедленно доложил Орпе. Таким образом, подозрения Орпы подтвердились из независимого источника. Она поспешила осведомить генерала.

7. Милая подружка подушка

У читателя, возможно, сложилось впечатление, что города Бург и Дрор преследуют полярные цели. В некотором смысле подобное противопоставление верно. Утверждая правоту своих идей, Бург стремится завладеть умами жителей всей планеты, осветить темные чужие сердца яркими благородными помыслами. Дрор же привлекает широкие массы землян в основном материальным соблазном. Ну а помыслы? А помыслы потом!

Бург убеждает силой. Дрор вдохновляет примером. Бург боевит и агрессивен. Дрор благодушен и самонадеян. Внутренний мир бургандцев богаче внутреннего мира дрорцев. Если дрорцу хорошо, то с него довольно. А бургандцу этого мало. Его сердце возрадуется только тогда, когда он внедрит собственное довольство в чужие сердца, то бишь добровольно-принудительно кооптирует их в свой духовный мир.

Дрор хоть и уповает на здравый смысл, а все же побаивается бургандской активности. Поэтому, если почувствует какую опасность от соседа по планете, то непременно примет ответные ненасильственные меры, стараясь, по возможности, уповать на научное пионерство. Впрочем, если надо, и симметричным ответом не побрезгует.

Итак, Бург стремится завладеть умами людей, а Дрор – привлечь массы. Сходство налицо. Иными словами, в отношении Бурга и Дрора можно говорить не только о полярных целях, но и о единстве цели. Нелишне добавить, что люди склонны ставить перед собой недостижимые цели, а частенько достигают тех, которых не ставили.

Притча повествует, как некий бедуин, собираясь в дальний путь, безмерно нагружал своего верблюда. В последнюю минуту странник вспомнил, что забыл захватить с собой красивое птичье перышко. Он добавил его к огромному грузу на спине верблюда, и тот рухнул под непосильной тяжестью и умер. “Мой верблюд не вынес веса птичьего перышка!” – с горечью сказал себе бедуин.

Бург был сыт по горло безобразными успехами Дрора. История с изгнанием дрорского торговца Эрэда явилась для бургских властей тем самым птичьим перышком, вес которого не снес гигант-верблюд. Выражая волю народа, правители Бурга решили навсегда покончить с растлевающе-утилитаристским влиянием Дрора на человеческие умы. Жизнь выдвинула требование: с помощью мягкой силы привить людям правильные воззрения, проистекающие из неминуемой в будущем мировой гегемонии Бурга.

Напомним, что руководство Бургандии избрало два главных пути достижения цели. Первый из них – привлечение Асмодея и подчиненных ему шедов для нанесения летального ущерба общественному организму Дрора. Второй – отправка экспедиции на Поклонную гору на поклон к Вышнему с намерением закрепить победу божественным, то есть непререкаемым образом. Попутно была углублена благородная разведывательно-подрывная деятельность в стане врага. Это поприще предназначалось для Орпы.

Работа продвигалась по всем направлениям, и первые результаты обнадеживали. Шеды трудились неплохо, сея смятение, неуверенность, взаимную подозрительность и физические недуги в дрорском обществе. Правда, в последнее время ощущался определенный спад их боевитости вследствие сговора Якова с Асмодеем. О двуличии царя шедов Орпа своевременно донесла председателю Комитета Спецопераций. В свою очередь, информируя главу Совета

Старейшин, генерал заверил, что ситуация находится под контролем, положительный эффект по-прежнему доминирует, и момент применения дебютанта к Асмодаю пока еще не настал.

Теперь подробнее остановимся на вопросах комплектования экспедиции на Поклонную гору. Как упомянуто выше, начальником посланничества был назначен сын главы Совета Старейшин от его первой жены. Это мужчина средне-старшего возраста с чистой биографией и незапятнанной совестью. Ему поручили набрать рядовых членов миссии – тридцать-сорок человек. Любознательный читатель спросит, зачем нужно такое многочисленное представительство? Дадим обстоятельное разъяснение.

Сначала разберемся в проблеме на принципиальном уровне. Вопрос: для чего вообще требуется встреча с Вышним? Ответ: чтобы раскрыть перед Ним достоинства бургандской идеологии и одновременно показать неприемлемость дрорского образа мысли с точки зрения высших критериев. Есть ли уверенность в успехе миссии? Безусловно, есть, ибо триумф ее предсказан коллективным разумом руководителей Бургандии. Здесь уместно воскликнуть: “Долой злопыхателей, сомневающихся в коллективной мудрости не вполне ученых индивидов! Всякому непредубежденному уму ясно, что Вышний канонически закрепит гегемонию Бурга и навсегда дезавуирует жалкие потуги Дрора”.

Почему нельзя ограничиться одним посланником, пусть даже честным и красноречивым, и зачем требуется столь многочисленное представительство? Ответ таков: привлечение Вышнего на свою сторону – это не какая-нибудь там защита малахольной научной идеи перед ученым советом. В обращении к Вышнему не достаточно аргументов чистой логики, и даже полезные связи могут не сработать. Для убеждения вершителя абсолютной истины требуется коллективная молитва и коллективный плач. По самым скромным оценкам хор молящихся и плачущих должен составлять не менее тридцати человек. Это хорошо понимали в Бурге и, забегая вперед, заметим, что в Дроре не придавали сему должного значения.

Вспомним, что начальнику бургандской экспедиции положили щедрое содержание и двойные командировочные. Тем не менее назначенец не счел оплату его миссии удовлетворительной. Для исправления несправедливости он решил прибавить к своему окладу совокупное жалованье рядовых членов делегации. Среди пребывающих на свободе трудно найти добровольцев, согласных работать бесплатно. Поэтому шеф обратился к альтернативной категории подданных режима, а именно, к “мотающим срока”, как сами себя называют эти достойные граждане. Для начала он пообещал им бесплатное питание на период путешествия. Стреляные воробыи не повелись: “Плати, начальник, иначе не согласны!”

Глава миссии воззвал к чувству гражданского долга, мол, денег нет, но держаться-то надо! Не тут-то было! Пришлось начальнику экспедиции добавить к бесплатному питанию еще две важных вещи, смысл которых он сформулировал следующим образом: “Время пребывания на Поклонной горе и в пути будет вычтено из ваших сроков с коэффициентом два. По возвращении в родные стены, вы, как участники похода, в качестве бонуса получите дополнительный день в неделю, освобожденный от вашего свободного труда, для пения в тюремном хоре”. На сем и порешили. Арестантов наскоро обучили молитвам и хоровому жалобному стенанию, после чего посольство отправилось в путь.

Романтика трудных дорог целиком завладела сердцами новоявленных пилигримов. То под гору, то в гору бежала прямая магистраль. По вечерам путники собирались у костра и пели душевные куплеты своей мятежной молодости. Руководитель экспедиции бескорыстно

обогащал репертуар своих питомцев, обучая их песням большой земли на некриминальные темы.

Никто никуда не спешил. Условия оплаты не стимулировали главного посланника к торопливости. Что касается рядовых членов экспедиции, то, как уже догадался читатель, работал коэффициент два. Дремавшие в их головах патриотические мысли потихоньку пробуждались, что можно отнести на счет действия родимых пятен, неизбежно выступающих в сознании любого дорца, не зависимо от перипетий его жизненного пути.

Пешее путешествие на Поклонную гору продолжалось долгие месяцы. Автор не считает своей обязанностью раскрывать читателю способы решения некоторых эмоциональных проблем, возникавших перед членами мужского коллектива странников, оторванных от обитаемой среды. Собственная жизненная эрудиция – в помощь любознательным.

Во время личной встречи Яков просил Асмодая настропалить шедов на причинение какого-либо вреда бургандской экспедиции, дабы задержать ее прибытие на Поклонную гору. Асмодай ничего не обещал и, как выяснилось позднее, ничего и не предпринял. Трудно сказать, чем руководствовался честный и двуличный царь в своем бездействии. Как говорится, у всякого плута свой расчет.

Яков вынужден был строить козни своими силами, используя инженерно-техническое величие Дрора. Затевались обильные камнепады с гор, поворачивались русла рек, поджигались леса на пути, уничтожалась съедобная живность и растительность, устраивалось локальное похолодание климата и так далее, и так далее. Для успешного осуществления подрывной деятельности Яков использовал научные силы второго ряда, ибо лучшие из лучших трудились над проектом Иосифа. Предпринимаемые против бургандской экспедиции меры получили название санкционной политики.

Заметим, что санкции приносили Бургандии вред только в начальный период их назначения, зато впоследствии обещали быть полезными, катализируя собственное развитие мнимой жертвы. Они вызывали законную насмешку у представителей Бурга. Во-первых, в экспедиции заранее предвидели завистливую реакцию противника и подготовились к ней, захватив с собою лопаты, носилки, топоры, ломы. Во-вторых, санкции сплачивали людей вокруг самородной бургандской идеи превосходства, а чувство сплоченности, как известно, есть бальзам для патриота. В-третьих, всякое промедление – к добру.

Наконец, посольство прибыло к месту назначения. У подножья Поклонной горы разбили лагерь. Вершина не казалась недоступной – одного дня хватило бы для покорения высоты. Вокруг звенела благостная тишина. Царство беззубого добра, вечной любви и сытой умиротворенности. В высокой траве в окружении малых козлят возлежали могучие тигры, а рядом по тропинке шагали волки, и агнцы семенили меж ними.

Казалось, над вершиной в небесной синеве волновалось ослепительно-кремнистое море облаков. Но, нет! То сонмы сменявших друг друга ангелов воспаряли ввысь, простерев над святилищем Вышнего белоснежные свои крыла, и мощными взмахами оных отметали прочь катаклизмы земные, дабы не сожалел Он о прошлом и безмятежно спал, забывшись в тиши свободы и покоя.

С сожалением приходится констатировать, что идиллическая атмосфера места неожиданно отрицательно повлияла на прибывших на поклон к Вышнему бургских посланцев. Кратковременное умиление сменилось непонятной грустью, та, в свою очередь, трансформировалась в смутную тревогу, переросшую в настоящую мужскую депрессию.

Для излечения от недуга бургандцы прибегли к апробированному на родине средству, изготовляемому из воды, сахара и дрожжей. Настроение в лагере улучшилось и поддерживалось в приподнятом состоянии ежедневным приемом снадобья.

Начальника экспедиции тревожила мысль, что рано или поздно ему придется подняться на гору и объяснить Вышнему цель своего посольства. Поэтому он не спешил, надеясь на какое-либо чудо, скажем, кто-нибудь из Его администрации сам спустится к нему и обо всем распросит. Бургский посол не разочаровался в своих надеждах. Моральная поддержка пришла, правда не оттуда, откуда он ожидал.

Когда Яков узнал, что улины из Бурга разбили лагерь у подножья Поклонной горы, он дал команду начальнику своей экспедиции отправляться в путь. За считанные дни дорорцы добрались до места на своих автомобилях. Миссия их не отличалась массовостью, как посланничество противника, зато была укомплектована настоящими знатоками молитв и прекрасно экипирована.

Делегация Дрора разбила свой лагерь по соседству с лагерем Бурга. Величественная и священная обстановка Поклонной горы произвела на начальника дорорской экспедиции весьма сильное действие – он оробел. Правда, его утешала мысль, что и бургандскому атаману предстоит нелегкое дело, а именно, встретаться с Вышним. Недаром глаголет народная мудрость, мол, в чужом сарае и своя баба милей покажется.

Два дня держали фасон начальники и, наконец, решились на знакомство. Разговорились. Сначала цедили слова, потом увлеклись – не остановишь. К ночи затеяли общий костер, расселись вокруг, затаили песню. Бургандцы пришли в восторг от незнакомой им доселе чудесной закуски, извлекаемой дорорцами из консервных банок с тушеным мясом. Дорорцы же по достоинству оценили замечательные свойства целебного снадобья.

Выяснилось, что среди членов дорорской миссии есть дети давних бургандских перебежчиков. Тут разговор оживился еще более. Общие темы, общие воспоминания. Бургандцы захлеб хвалили свою страну, их собеседники не выпячивали достоинств Дрора.

Как бы там ни было, но в патриотическом настрое некоторых представителей Бурга наметились трещины. Начальник с ужасом подумал о возможности измены. “А вдруг по окончании миссии кто-либо из моих подопечных не вернется в тюремную камеру, но переметнется к врагу? Говорят же у нас, мол, тушенку нынче жрать горазд, а завтра родину продаст! Как отнесутся к этому в Комитете Спецопераций? Что станет со мною и с моим отцом, ныне возглавляющим Совет Старейшин? Дебютантом попахивает! Нет! Прочь глупые мысли! Никогда мои орлы не ступят на путь предательства!” – легкомысленно успокоил себя старшой.

На следующее утро, посоветовавшись, главы делегаций пришли к соглашению, мол, желательно немного повременить с восхождением на Поклонную гору на поклон к Вышнему. Надо освоиться с местом, привыкнуть к мысли о предстоящем испытании, а там, глядишь, узрят ангелы прибывших просителей, спустятся с горы и произведут какой-либо полезный инструктаж. Пока следует продолжать мирное сосуществование представителей двух различных социальных систем. Было отмечено, что такой характер взаимоотношений можно рассматривать как форму продолжения идейной борьбы за мировую гегемонию.

В свою очередь, обитатели вершины Поклонной горы давненько заметили появление внизу каких-то непонятных становищ, но не спускались для выяснения обстоятельств. Они, как и

обитатели сих поселений, не склонны были торопиться, однако медлили по другой причине. Задача ангелов состояла в охране покоя Вышнего, а, кто знает, с чем явились эти особи мужского пола – вдруг им взбредет в голову беспокоить Творца? Небожители решили подождать – может, за недостатком радушия с их стороны уберутся непрощенные гости?

Этого не случилось, и посему было решено направить к людям представителя, а, точнее, представительницу, ибо, согласно небесным ангельским понятиям, земные мужчины весьма склонны дарить вниманием женщин.

Итак, к нашим челобитчикам сошла с вершины сама Лилит. Ах, как много чернил пролито на описание деяний сей чудо-женщины, и как мало правды в обильных словесах! Иной раз невольно подумаешь, что сердцу человека ложь милее истины. Говоря современным русским языком, сказанное о Лилит не более чем фолк-истори, а то и просто фейк-нюс.

Кратко остановимся на выдумках лжи и на реальностях правды. Утверждается, якобы Лилит была гражданской женой Адама, первого человека на земле. Но факты говорят о его высоком моральном статусе – он не был двоежцем, и только Хава удостоилась брака с ним. Да и вообще, нелепо думать, что чистый помыслами Адам мог позволить себе совокупляться с чужой женщиной, созданной, как и он, из земли, а не из части его собственного тела.

Приписывают Лилит преступления против нравственности, будто бы она сожительствовала с женщинами. Но горе-сочинители не могут привести ни одного факта, подтверждающего склонность Лилит к лесбийской любви. Что же касается интимной стороны ее жизни, то не секрет, что она состояла в законном браке с Асмодаем. К сожалению, супруги не сошлись характерами, и были разведены небесным судом.

Существуют безосновательные утверждения, будто бы Лилит соблазняет неженатых мужчин, пугает беременных женщин, дабы у тех произошел выкидыш, высасывает у новорожденных кровь и костный мозг, а потом убивает их. Абсолютная чушь! Ведь нам доподлинно известно, как неженатых мужчин совращают шеды в женском обличье, работник цеха номер два на предприятии Асмодая. В отношении высокой младенческой смертности следует заметить, что в этом прискорбном явлении виновата отнюдь не Лилит, а невежество родителей, пренебрегающих медициной и тем самым калечащих своих чад.

Можно и дальше продолжать парировать всевозможные несправедливые утверждения в адрес Лилит, но лучше мы приведем один простой и бесспорный довод: будь Лилит безнравственна, она не проживала бы на вершине Поклонной горы вместе с ангелами, хранящими покой Вышнего.

Лилит – женщина красоты исключительной, редкой, пожалуй, даже уникальной. Вид сей особы будит возвышенные чувства в мужчинах благородного склада и электризует недостойное воображение в прочих представителях сильной половины человечества. Долгое пребывание в среде бесполох ангелов ничуть не ослабило строгих эстетических требований Лилит к собственной персоне.

Высокий рост, совершенные пропорции тела, божественная красота лица, ясный взгляд огромных карих глаз, манящая белозубая улыбка, столетиями неувядающая белая кожа и, наконец, раскинутые по плечам гладкие черные волосы. В высшей степени скромная ее одежда отличается безукоризненным вкусом. Она скроена и пошита столь ловко, что одновременно и скрывает, и акцентирует. Одежда – визитная карточка ума!

Улучив момент, когда рядовые члены экспедиций были заняты хозяйственными делами, спустившаяся с вершины горы Лилит подала знак начальникам приблизиться к ней. Осчастливленные, мужчины поторопились подойти к прекрасной незнакомке.

- Приветствую вас, пришельцы. Меня зовут Лилит. Мне поручено говорить с вами от имени Вышнего. Я готова выслушать вас.

- Счастлив видеть тебя, женщина! – воскликнул бургандский начальник, называя свое имя.

- Ты воистину прекрасна, Лилит! – вторил начальник дрорской экспедиции, представляя себя.

- Оставим в стороне комплименты и сантименты. Прошу перейти к делу. Что привело вас к подножию Поклонной горы? – строго спросила Лилит.

- Я и мои люди хотим поведать Вышнему о бесспорном превосходстве бургандского духа. Мы намерены просить Его благословения на всемирную гегемонию, - прямо и откровенно доложил бургандец.

- Превосходство бесспорное? Просить намерены? Звучит не к месту самоуверенно. Вышний не привык к такому языку! – сказала Лилит, с уважением отметив про себя мужскую напористость представителя Бурга, - а ты, человек, чего хочешь? – спросила она дрорца.

- Выразусь деликатнее, - ответил начальник экспедиции Дрора, - хотя мои намерения аналогичны, но я склоняю главу свою пред троном Вышнего и отдаю себя во власть Его божественной воли.

- Ты учишься на чужих ошибках – это похвальная хитрость, - внешне одобрительно, но с внутренним неприятием заметила Лилит.

- Назначь мне и моим бойцам время свидания с Вышним, - потребовал бургандец.

- Я покорно ожидаю аудиенции, - пролепетал дрорец.

- Должна огорчить вас обоих, мальчики, - безжалостно бросила Лилит, - дело в том, что, утомленный разочарованием в людях, Вышний почивает. Он примет вас по пробуждении, но когда Он восстанет ото сна – Бог сам себя знает!

- Вышний разочарован в людях, но мы, дрорцы, наполовину происходим от ангелов небесных! Нас-то Он мог бы выслушать! – осмелевши, возразил начальник дрорской экспедиции.

- Никому в мире не позволено будить Его! – отрезала Лилит.

- Беспечальному сон сладок. Милая подружка подушка! – иронически заметил бургандский начальник и заслужил скрытое одобрение Лилит за дерзкий язык.

- Думайте что угодно, - сказала Лилит, - но вам придется набраться терпения и ждать пробуждения Вышнего. Предлагаю расположиться поосновательней у подножья Поклонной горы. Я буду вас навещать и при необходимости помогать в удовлетворении земных чаяний.

Оба посланничества прислушались к совету прекрасной женщины и принялись устраивать свой быт на постоянной основе. Бургадцы помнили о выгодном коэффициенте. Дрорцы наслаждались новой формой свободы.

Лилит крепко держала свое слово и помогала, чем могла. Ей понравился начальник бургандской экспедиции – зрелый умом, загорелый телом, решительный характером и в меру грубоватый. Они подружились. Гуляли при луне, говорили о том о сем. Заметил бургандец, что женщина страдает от любви. Что было делать человеку? Оставалось одно – пожалеть ее и взять к себе жить.

Последнее обстоятельство отрицательно отразилось на зарождавшейся было дружбе двух начальников. Дрорский лидер и сам был непрочь сблизиться с красавицей Лилит. Он моложе бургандца, красотой ему не уступает, умом вышел, язык хорошо подвешен, дипломатии обучен. “Почему Лилит предпочла мне другого? Обидно, однако!” – говорил сам себе способный и развитой неудачник. Видать, не всё, что не удается, перестает привлекать.

Сердце женщины – тайна неразгаданная, зато ревность есть вещь немудреная и легко понятная. Дрорец лицемерно упрекал бургандца за беспорядочные половые связи и с притворной озабоченностью намекал на их негативные последствия для здоровья. Иной раз завистливо спрашивал удачливого собрата: “Как вам, коллега, в прошлом сто тысяч женщин познавшему, живется нынче с Лилит?” Бургандский начальник благодушно отмалчивался – жизнь учит с невозмутимостью относиться к чужим неудачам.

8. Голем под следствием и судом

Оказывается, люди устроены таким удивительным образом, что не могут удовлетвориться одной лишь борьбой за первенство. Человеку непременно требуется победа в борьбе. Хотя движение по пути к успеху кажется ему самым достойным в мире занятием, однако оно не есть замена конечной цели. Доставляемые триумфом восторг торжества одних и горе страданий других приносят счастье в неугомонные души победителей.

Высококонравственный Бурга задумал раз и навсегда покончить с нечистоплотной конкуренцией бездуховного Дрора. Для достижения сей достойной цели, он взял на вооружение как темные силы земного демонизма, так и светлое могущество небесной справедливости. Активность, смелость, патриотизм – вот лозунги, начертанные на бургандском боевом знамени, прочным дубовым древком которого является врожденная вера народа в свою миссию гегемона.

В отличие от бурлящего Бурга, его исторический оппонент Дрор был самоуверен и умиротворен. Родоначальники дрорцев, так называемые падшие ангелы, совокупляясь с земными женщинами, привнесли со своим семенем страсть к познанию природы и овладению ее законами. Так возник решительный технический перевес Дрора над Бургом. Уповая на неодолимость пропасти, дрорцы не сомневались в конечной мирной победе над амбициозным противником. Однако, почуввав надвигающуюся опасность, технократы отряхнулись от безмятежности и стали готовить ответ, жидкий, что характерно, на научном прорыве.

Яков, высокопоставленный чиновник бюро по расследованию антидрорской деятельности, организовал осуществление научно-технического проекта, призванного покончить с посягательствами Бурга на мировую гегемонию. Научным руководителем проекта был назначен Иосиф, старший брат Якова. И вот, работа над прорывным изобретением подошла к концу – настало время проведения испытаний.

Вернемся к нашим старым знакомым – двум обывателям Бурга, благородного склада гражданам, любителям поговорить за кружкой-другой бургандского пива. Они привыкли сидеть на своем постоянном месте за небольшим столом возле гигантской пивной бочки. Один из них обычно сообщал городские новости, а второй с видимым интересом внимал, задавал уточняющие вопросы, то поддакивал, то возражал, одним словом, подбрасывал дровишек в очаг беседы.

Мы помним, как наш рассказчик поведал своему верному слушателю историю о некоем чужестранце, путешествовавшем на тщедушном осле. Бургандец бескорыстно приютил странника, накормил и напоил его. Однако лукавый иноземец отблагодарил бессребреника не словами признательности, но обвинением в воровстве какой-то жалкой ослиной попоны. Мало того, он лицемерно отказался признать в благодетеле великого толкователя снов.

Дело рассматривал один из лучших судей Бурга. Выслушав обе тяжущиеся стороны, служитель правосудия вынес единственно правильный, то есть обвинительный вердикт против дерзкого иностранца. Последнего принудили заплатить изрядный денежный штраф, и он был предан остракизму, будучи с позором изгнанным из города.

Решение судьи имело громкий положительный резонанс в патриотических (а, по существу, всех без исключения!) слоях бургандской общественности. Служебный подвиг судьи не остался незамеченным властями Бурга. Ему была присуждена высшая академическая степень. Он получил постоянный пропуск на торжественные праздничные концерты во Дворце Ассамблей. За ним закрепили место будущего погребения в расположенном в городской стене пантеоне вечной памяти отцов-созидателей бургандской славы.

Прошло несколько времени, и в Бурге произошел инцидент экстраординарный, непредвиденный и крайне огорчительный. Само собой разумеется, наш рассказчик оказался очевидцем сего прискорбного события. Происшествие не просто поставило под сомнение высшую квалификацию упомянутого судьи, но всколыхнуло общественное мнение всей страны.

- Представляешь, дружище, - начал свидетель случившегося, - сижу, значит, я на пороге дома и размышляю на отвлеченные темы. Позднее утро, приближается полдень. Я обоняю доносящийся из кухни аромат приготавливаемого женой обеда. Волшебный запах тушеной рыбы в овощном соусе приводил в трепет мои ноздри и сердце.

- Идиллия, да и только! – поддакнул собеседник, отхлебывая пиво и отправляя в рот маленький соленый бублик.

- Не торопись, дорогой, лучше послушай. Вдруг, в нарушение идиллии, услышал я вдалеке чьи-то невнятные крики. Я встал, дошел до угла и увидел, как на пустынной площади двое мужчин яростно вцепились друг в друга, и колотят один другого, и выкрикивают бранные слова, которые мы с тобой, порядочные граждане, никогда не произносим.

- Вот тебе и идиллия! Так и аппетит потерять не долго. Жалко, однако. Все-таки тушеная рыба с овощами!

- Я уж об обеде и не думал. Ты меня знаешь – я должен быть в гуще городских событий.

- Слава богу, знаю тебя. Ну, рассказывай, что дальше увидел.

- Один из тех двоих был выше противника на целую голову, годами моложе и одет вполне прилично. Пригляделся я и увидел, что малорослый – бедняк бедняком, и грязное рванье на нем. Крупный одолел мелкого, содрал с того верхнюю одежду и приготовился бежать с добычей.

- Небось, оба – презренные иноземцы?
- Ни в коем случае! На вид и на слух они наши, бургандские – я сразу понял это по выражениям их лиц и прочим выражениям!
- Так что же произошло, по-твоему?
- Заурядное уличное ограбление. Казалось бы, дело житейское – сильный бьет слабого, имущий обирает неимущего, молодой берет верх над старым.
- Действительно, ничего примечательного. Ты, конечно, вернулся домой и продолжил дожидаться обеда, размышляя на отвлеченные темы?
- Не тут-то было! Вдруг на площадь ворвался некто третий. Тоже, вроде бы, нашенский. По всему видно – большой силач. Он схватил грабителя в охапку и вскричал решительно: “Верни немедленно одежду бедному человеку!”
- Кажется, события нагнетаются!
- Еще бы! Грабитель вырвался из недружелюбных объятий да как закричит: “А ты кто такой, чтобы указывать мне? Я законов Бурга не нарушал, все по справедливости!”
- А ведь и вправду – справедливость-то не пострадала!
- Вот и я так же думаю! Но тот, что встрял меж двумя, третий лишний, так сказать, думал по-другому. Он не отпускал молодого и все требовал вернуть бедняку одежду, а не то, грозил, отведет, мол, его к судье. Тогда грабитель изловчился, подобрал с земли камень и разбил лоб незваному доброхоту, и потекла кровь широким ручьем.
- Здорово! Ох, и везет же тебе, приятель, занимательные вещи наблюдать! Давай-ка свою кружку, я еще пивка принесу.
- И тут, представь себе, - произнес в волнении рассказчик, опорожня залпом добрую половину кружки, - молодой да удалой вырвался из клещей силача и говорит: “Вот теперь, когда кровь струится, можно идти в суд, невежда ты этакий – уложений не знаешь! Я разбил тебе голову, и, согласно закону Бурга, ты должен заплатить мне за пролитую кровь! Послушаем, что скажет судья!”
- И к какому судье они пошли?
- Да к самому знаменитому. Помнишь, того, что судил наглого иноверца, со мной тягавшегося?
- Конечно, помню! И что, все трое направились в суд?
- Двое. Правдолюбец выхватил из рук грабителя одежду бедняка, вернул тому жалкие его ремки, и несчастный куда-то пропал. А я незаметно последовал за двумя боевыми петухами.
- Узнаю твои байки. Самое интересное ты всегда приберегаешь для концовки!
- Не байка это вовсе, а чистая правда. Жизненная история всегда начинается сухо, а кончается сочно.

- Не обижайся, шучу я. Рассказывай дальше.

- Понимаю, что шутишь – я, слава богу, чувством юмора щедро наделен. Пришли, значит, двое к зданию Верховного суда. Напротив собралась внушительная толпа: видно, слух о предстоящем процессе облетел город, и горожане с нетерпением ожидали нового подвига любимого народом судьи. Желающих пригласили в зал судебных заседаний. Все места были заняты, люди стояли в проходах, теснились у стен, жадно смотрели на сцену, ожидая победы правосудия.

- Приятель, довольно пустословного красноречия! Прожуй соленый бублик и переходи к делу – не терпится узнать, чем все кончилось!

- Продолжаю. На высоком стуле, как на троне, сидел судья, перед ним стояли истец и ответчик. Судья строго спросил истца: “В чем состоит твоя жалоба?” Тот заявил: “Я разбил лоб этому негодяю, а он отказывается заплатить мне за пролитую кровь!”

- Для нашего искушенного судьи это легкое дело, ибо нарушение закона налицо!

- Слушай внимательно и не перебивай! Судья сурово обратился к ответчику: “Что можешь сказать в свое оправдание?” А тот не лыком шит, выпалил в ответ: “Этот человек грабил несчастного бедняка, а на мое остережение ответил насилем!”

- Каков наглец! Приплетает вещи, к делу не относящиеся, пытается препятствовать расследованию!

- Правильно! Вот и судья вскричал: “Не уводи суд в сторону! Согласно закону Бурга, ты обязан заплатить штраф истцу за пролитую им твою кровь! Плати немедленно или отправляйся за решетку!” Провозгласив сие, судья гневно хватил своим деревянным молотком по специальной громкозвучной подставке.

- Bravo! Так и надо поступать с нарушителями закона!

- Увы, дружище, на этом дело не окончилось. Ответчик хладнокровно промолвил: “Ты прав судья. За нарушение закона надо платить”. С этими словами он выхватил из рук судьи молоток и со всего размаху нанес удар вершителю правосудия по высокому его лбу, и кровь хлынула из раны.

- Боже мой, какое бесчинство!

- И бесчинство, и наглость! Совершив акт хулиганства, ответчик заявил так: “По закону я должен платить истцу за пролитую кровь. По тому же закону ты, судья, должен платить мне за то же самое. Я плачу ему, ты платишь мне – нелепо! Зачем загружать пустой работой бухгалтерскую кувырколлегию суда? Плати ему ты, а мое дело – сторона!”

- Вот так клюква! И что же? Заплатил судья ответчику?

- Ошарашенный судья достал было кошелек, а ответчик куда-то пропал. И истца не видно.

- Достал кошелек, говоришь? Значит, справедливостью ведом!

- Да брось ты! Показной справедливостью судья маскирует любовь к почету.

- Пожалуй. Стало быть, опростоволосился академик-то наш!

- Выходит, что так! Зрительный зал загудел. Не довольны люди. Не любят бургандцы, когда лучшие из народа в дураках оказываются. Боюсь, дело сие не закончено, быть последствиям.

- Да-а-а. Тут призадумался.

- Есть о чем подумать, батенька. Такие вот пироги с котятами. Их ешь, а они пишат. Ладно, допивай пиво, да пойдем по домам.

Покинем наших интеллигентных собеседников и подведем итог случившемуся. Нет, происшествие это – не какой-нибудь малозначащий факт. Вдумайтесь, люди добрые! Некто, неизвестный тип, вывернул наизнанку бургандский закон. Он сделал это в высшей степени коварно, злонамеренно обезоружив светлый лик правды перед мрачным оскалом кривды. Он скомпрометировал веками проверенные и верно служившие властям достижения бургандской юриспруденции.

Давая правильную политическую оценку событию, необходимо указать на служебный провал лучшего судьи города Бурга. А ведь его неуспех может быть истолкован недоброжелателями как мнимая слабость не только законодательной системы Бургандии, но и как начало общего кризиса единственно правильной идеологии. Да ведь это подрыв основ, покушение на ценности, размывание фундамента! Правда, находились немногие жовиальные особы, утверждавшие, мол, кризис – еще не закат и не симптом смерти. Но Бург отверг ложный оптимизм, ибо не заражен бациллой раболепия перед меньшинством.

Как серьезную опасность государству восприняла это событие патриотическая элита Бурга. Вслед за появлением разоблачительной редакционной статьи в центральном, хотя и единственном, печатном органе страны, к мнению элиты присоединилось подавляющее большинство граждан Бургандии. Из гуци народа слышались требования расследовать деятельность псевдовеликого судьи и одновременно привлечь к ответственности трех подозрительных его оппонентов – бедняка, истца и ответчика.

К сожалению, странная троица бесследно исчезла. Что касается незадачливого судьи, то он был отстранен от исполнения служебных обязанностей, взят под следствие, лишен академических степеней и правительственных наград. У него изъяли постоянный пропуск на торжественные праздничные концерты во Дворце Ассамблей, а место его будущего захоронения в пантеоне славы Бурга передали более достойному кандидату.

Рассмотрением дела занялся Комитет Спецопераций. Неспешное продвижение расследования свидетельствовало о тщательности работы. Ни одна из возможных версий не отбрасывалась. Подчиненные генералу сотрудники – высшие и старшие офицеры – со свойственным им профессионализмом вникали в мельчайшие детали, сопоставляли факты, опрашивали свидетелей, искали косвенные улики и так далее, и так далее.

Проживающая в Бурге супруга знакомого нам дорского мойщика машин и агента Комитета Спецопераций поведала мужу о бургандской сенсации. Разумеется, Кешер немедленно оповестил свою благодетельницу. Орпа поначалу не придавала особого значения этой новости, но все же поделилась ею с Яковом. По торжествующему выражению его лица она поняла, что известие это – не рядовая сплетня, а нечто крайне важное. В подтверждение ее догадки Яков заторопился, извинился за занятость и сказал, что ему необходимо немедленно повидаться с Иосифом.

К тому времени Орпа была уже на сносях. Откровенно говоря, с приближением момента вступления в материнство ее голову меньше занимали мысли о противостоянии Дрора и Бурга. Проблемы иного рода требовали внимания будущей матери. Тем не менее в сердце Орпы по-прежнему пульсировало чувство долга по отношению к обеим ее родинам. Она отнюдь не намеревалась манкировать своими патриотическими обязанностями под предлогом скорого рождения ребенка.

Наконец, свершилось природой предопределенное, и Орпа разрешилась от бремени здоровым младенцем мужского пола. “Никаких кормилиц! У меня много молока, и я сама выкормлю наше дитя!” – решительно заявила молодая мать счастливому отцу. Кешеру было поручено сообщить новость новоявленному бургандскому дедушке. Последний порадовался, но приглашение приехать в Дрор, чтобы взглянуть на внука, не принял.

Яков, Иосиф, их родители, и, разумеется, мать с отцом жены Якова, - все дружно собрались в доме Ерэда и Орпы и поздравляли, и дарили подарки, и давали советы. Попутно заметим, что ко времени рождения первенца, Ерэд существенно окреп финансово, досрочно выплатил ипотеку и вообще чувствовал твердость в стоянии на ногах.

Склонность к романтическому стихотворчеству почти совсем улетучилась из головы Ерэда. Не было лишено резона овладевшее им в последнее время ощущение, что в смысле социального статуса он не уступает старшим братьям.

Пока новоиспеченные мама и папа упивались проявлениями восторгов из уст родственников старшего поколения, Яков и Иосиф удалились на веранду и принялись что-то обсуждать. Любознательная по природе и допытливая по должности, Орпа крайне заинтересовалась этим обстоятельством. Заявив, что пришло время кормления младенца, она взяла из колыбели драгоценный сверток, удалилась в смежную с верандой комнату и приступила к исполнению первой материнской обязанности. Руки и грудь ее были заняты, но уши свободны, и она подслушивала беседу братьев.

Разговор шел о происшествии в Бурге. Оказалось, что трое неизвестных – бедняк, истец и ответчик – искусственные люди. Создание этих существ явилось результатом тайного научно-инженерного проекта, претворенного в жизнь в Дроре. Руководство проектом осуществлял Иосиф – ныне национальный герой, к несчастью, обреченный на пожизненную секретность. “Голем” – так назвал Иосиф свое произведение.

Сотрудники лаборатории изготовили три опытных образца Големов. Творения ума и рук человеческих прошли испытание в Бурге и доказали свою безусловную эффективность, разыграв сначала сцену ограбления, а потом – суда. Теперь перед промышленным комплексом Дрора встала задача наладить массовое производство Големов.

Яков торжествовал: “Замаскированные под бургандцев искусственные люди станут тем оружием, с помощью которого мы навсегда завоюем мировую гегемонию, отеснив Бургандию, второсортную державу, на предназначенное ей посредственное положение в мире. Так научное лидерство одержит победу над демонологией и песнопениями. Поздравляю тебя, мой милый Франкенштейн!” - пошутил Яков в заключение своего импровизированного славословия. “Полно, брат! - скромно отозвался Иосиф, - я трудился во имя мира – лишь бы не было войны!”

Орпа была потрясена. “Что делать? – подумала она, - нужно срочно известить генерала. Хотя, нет. Сперва я попытаюсь выяснить у Кешера через его подружку, кухарку Иосифа, еще какие-нибудь подробности!” Работница в доме ученого и на сей раз оказалась полезной, сообщив

немаловажные детали. Ночью Орпа составила донесение в Комитет Спецопераций, а утром нашла предлог отлучиться из дома и с помощью Кешера переправила конверт в Бург.

Руководитель Совета Старейшин, председатель Комитета Спецопераций и директор института Государственной Демонологии собрались на совещание для зачитания срочного послания Орпы и обсуждения безотлагательных мер противодействия каверзным замыслам Дрора.

Состав участников заседания нуждается в пояснении. Если председателем Комитета Спецопераций являлся все тот же бессменный генерал, а директором института Государственной Демонологии оставался знакомый нам профессор, то руководитель Совета Старейшин сравнительно недавно сменился. Прежний главный Старейшина, человек серьезно больной, почти инвалид, скончался, успев за свою жизнь много и верно послужить стране и народу.

Освободившееся место занял другой старейшина, тоже недужный. Однако это не отец Орпы, бывший номером первым в списке на продвижение, а номер второй из списка. Такое отклонение от привычного порядка диктовалось тем, что дочь номера первого, то есть Орпа, проживала в Дроре, и после заключения брака с Ерэдом стала тамошней гражданкой. В соответствии с установленным законом, да и согласно неписаным моральным нормам Бургандии, пост руководителя Совета Старейшин не может занимать человек, прямые родственники которого имеют иностранное гражданство.

Здесь мы видим торжество здравого смысла, ведь всякий гражданин невольно причастен к властвованию и подчинению. Стало быть, человек, имеющий гражданство недружественной страны, по меньшей мере подозрителен, то бишь справедливо подозреваем в недобрых намерениях.

Номер первый был вычеркнут из списка на продвижение, но оставался на свободе. Здесь важно заметить, что смена руководителя в Бурге не влечет за собой смену руководящих идей. Верностью собственному естеству народ гарантирует преемственность власти и незыблемость образа мыслей.

Генерал зачитал послание Орпы. Главный старейшина и профессор слушали с мрачным выражением на лицах, не перебивая. Меж участниками совещания повис тяжелый туман тревоги – словно густой черный смог в безветренный день.

- Чем конкретно опасны для нас Големы? – задал вопрос главный старейшина.

- Эксперимент с провалом нашего лучшего судьи показал, что эти искусственные существа способны сбивать с толку даже самых идейных бургандцев, - ответил генерал.

- Есть все основания опасаться, что, незаметно втираясь в широкие слои народных масс, Големы сумеют вытравить из наших людей дух бургандства, ибо они обладают феноменальными способностями мимикрировать и убеждать. Их тихое вторжение в Бургандию будет означать конец нашей мечте о мировой гегемонии, - добавил профессор, - Големы – это оружие Дрора, которым он может победить нас!

- Неужели три жалких твари способны сделать нечто большее, чем то, что они сделали с несчастным судьей? – возвысил голос главный старейшина.

- Три? Да эти ушлые дорорцы наверняка уже развернули массовое производство Големов! – бросил генерал.

- Увы, возможности их промышленности столь велики, – горестно констатировал профессор, - что навряд ли мы сможем эффективно помешать им.

- Прошу отбросить пораженческие настроения! – потребовал главный старейшина, - какой ответный научный ход вы можете предложить, профессор?

- Я – директор института Государственной Демонологии, - ответил профессор, - мое учреждение не занимается естественнонаучными проблемами. Насколько мне известно, учреждений такого профиля в Бургандии нет.

- Прискорбно слышать, как ученый расписывается в научном бессилии! - вскричал главный старейшина, ударив ладонью по столу, - а что скажет глава секретной службы? – продолжил он, отдышавшись после эмоциональной вспышки.

- Для Комитета Спецопераций не существует невыполнимых задач, - гордо произнес генерал, - я думаю, мы найдем ответную меру, чтобы осадить зарвавшихся дорорцев.

- Какие ресурсы вам потребны? – спросил ободренный старейшина.

- Необходимо срочно подготовить плеяду инженерных кадров не ниже среднего уровня. Остальное возьмет на себя мое секретное ведомство! – ответил генерал.

- Вы слышали, профессор? – воскликнул старейшина, - подготовка кадров не ниже среднего уровня возлагается на вас! Остальное возьмет на себя секретное ведомство генерала.

- Слушаюсь! – выпалил профессор.

- Будет сделано! – заверил генерал.

- Отлично! - подвел итог главный старейшина, - станем проводить еженедельные консультации для обсуждения хода работ. Создадим свой отечественный проект. Наш ответ Дрору, так сказать! Деятельность шедов, Асмодая и посланничества на Поклонной горе прошу продолжать.

9. По товару цена

Руководство Бургандии поставило перед собою, государством и народом амбициозную цель – добиться мировой гегемонии, оттеснив Дрор на второй план. Поддержка и энтузиазм миллионов были заведомо обеспечены бургандским властям. Как отмечалось выше, в помощь непростой борьбе мозговой центр страны привлек на свою сторону темные силы земного демонизма, а также вознамерился мобилизовать светлое могущество небесной справедливости.

Примем во внимание, что средства имеют свойство принимать окраску цели. То есть, если цель благородна, то и средства таковы. Поэтому в данном случае темные силы земного демонизма правильнее называть светлыми силами земного демонизма. Ну, а для сохранения контраста, светлое могущество небесной справедливости станем величать ослепительным могуществом небесной справедливости.

Патриотизм рождает песни, а песни рождают патриотизм. В ежегодно издаваемом календаре бургандских будней и праздников была опубликована песня двойного назначения – маршевая и

колыбельная вместе. Слова музыкально-поэтического произведения народные, мотив наступательный. Родителям рекомендовалось поднимать детей утром и укладывать их спать вечером с пением такого куплета:

Мальчиш, борьбе навстречу
С зарей скорей вставай.
Ты Бург увековечишь,
А Дрор? А Дрор – бай-бай!

Песня – как барабан, под его бой идут в ногу. В толще народных масс Бургандии царил социальный оптимизм. Никакими временными трудностями невозможно остудить накал самородной любви к отчизне рядового бургандца, всегда готового на новые материальные лишения ради завоевания положенной ему мировой гегемонии. Однако в среде руководителей высших эшелонов власти ощущалось настроение тревоги и неуверенности. Вожди были крайне озабочены сведениями о новейшем стратегическом оружии Дрора, аналог которого отсутствовал в Бурге.

На самом высшем уровне было принято постановление о неразглашении прискорбного факта. Такое решение явилось последовательным проявлением гуманной политики ограждения народа от моральных катаклизмов, а также защиты патриотического духа масс от ошибочных уклонов. Само собой разумеется, что в отношении противодействия коварному противнику, руководство Бургандии не ограничилось сей запретительной мерой. Наоборот, как уже известно читателю, лидеры страны поставили перед собой задачу в кратчайший срок ликвидировать отставание, а там, глядишь, и снова взойти на беговую дорожку, ведущую к верховенству.

Исполнение полученного от главного старейшины приказа поставило директора института Государственной Демонологии в непривычную для него ситуацию. Требовались либо огромные организационные усилия для реализации распоряжения де-факто, либо изрядная доля личного макиавеллизма, если удовольствоваться брэнчанием де-юре. Откуда взяться незнакомым навыкам? Оба пути профессором не хожены.

По здравом размышлении директор пришел к выводу, что у него нет иного выхода, кроме как заняться реальной подготовкой естественнонаучных кадров. “Макиавеллизм тоже пригодится, - подумал профессор, - дам задание референту подготовить для меня популярные издания на предмет ознакомления”.

Начальники отделов института и просто специалисты высшей категории посоветовали своему шефу открыть бурфак. Так было названо учебное заведение ускоренной подготовки способной институтской молодежи. Обучение на бурфаке требовалось для последующего успешного усвоения естественных наук на уровне не ниже среднего, согласно указанию главного старейшины. По конспиративным каналам надежные люди доставили из Дрора учебники как нелегальную литературу.

Гораздо оптимистичнее своего ученого коллеги чувствовал себя председатель Комитета Спецопераций. В заявлении председателя о том, что якобы для его организации не существует неразрешимых задач, не было ни капли хвастовства. Генерал ясно представлял себе две вещи: первая – ограниченность научного потенциала Бурга, вторая и главная – широчайшие возможности своей епархии.

“Можем ли мы собственными силами создать оружие, подобное дрорскому? – спросил себя председатель Комитета Спецопераций, - нет, не можем, ибо нет у нас таких сил!” – честно

признал он. “Единственный наш реальный шанс – украсть идею и способ ее реализации, или, как говорят в Дроре, адаптировать ноу-хау, - продолжил размышлять генерал, - но и это не все! Потребуется немалые ресурсы. Добывать их будет главный старейшина, сколько успеет до кончины. Инженеров подготовит директор института, законченный болван, кстати. Моя задача хитрая. Кража – искусство, а не ремесленное мастерство. Пусть каждый занимается своим делом!”

Главный старейшина погрузился в нелегкие размышления. Из доступных ему обрывочных сведений он сделал резонный вывод, что для осуществления проекта потребуется привлечение колоссальных материальных средств. Задачи такого масштаба никогда прежде не решались в Бурге. Однако для пораженческих настроений не должно быть места. “Земля наша огромна, подземным кладовым несть числа, - размышлял старейшина, - поднимем на-гора, обогатим, рафинируем и все такое прочее. Если надо – введем ограничения на потребительские блага для широких масс населения: народ наш дисциплинированный, к жертвам привычный, к лишениям стойкий, и, конечно, все правильно поймет!”

Первое время после блестящего завершения испытаний Големов в Бурге, научный руководитель проекта пребывал в состоянии эйфории – ибо, по его мнению, созданные им искусственные люди стали оружием сдерживания претенциозного варварства. Это же эпохальное достижение человеческого разума – никак не меньше!

Яков не уставал восхвалять брата: “Какой светильник разума блеснул!” Если кто-либо среди проникательных читателей подозревает службиста в лицемерии и тайной зависти, то это напрасно. Яков был вполне искренен и отнюдь не завидовал Иосифу, ибо сознавал абсолютную недосыгаемость для себя подобного успеха.

Однажды светлую голову Иосифа посетила идея странная и удивительная: “А что если и бургандцы попытаются изготовить своих Големов? Ведь всё, что когда-либо было создано одним человеком, другим человеком может быть воспроизведено!” Мысль сию Иосиф муссировал, развивал, прогнозировал последствия. “Если, боже сохрани, случится беда, и Бург повторит успех Дрора, - размышлял он, - то края пропасти сомкнутся, и вернется военное статус-кво. Равенство сил – пагуба мировая, ибо оно предполагает притязания худших на лучшее место под солнцем. И тогда не миновать войны!”

Однако аналитический ум ученого требовал рассмотрения альтернативных сценариев. “А не станет ли факт решающего превосходства Дрора, - думал Иосиф, - соблазном для агрессивных действий против Бурга? Но это ведь означает войну, смерть, кровь! Коли перспектива столь опасна, то не лучше ли, чтобы противник вернул статус-кво? Предположим, Бург создаст собственных Големов. Такая перемена породит спасительный страх взаимного уничтожения в случае войны. С появлением подобного страха возникнет новая реальность – остынут горячие головы отчизнолюбцев обеих стран. И воцарится вечный мир!”

Обдумывая глобальные проблемы, Иосиф ни с кем не советовался и ни с кем не делился своими сомнениями. Он полагался на себя и не слишком доверял другим. Взвешивая две альтернативы, он все очевиднее склонялся в пользу второй, казавшейся ему пацифистски более перспективной. “Если принять равенство сил за меньшее зло, то именно я способен помочь уменьшению бедствий на земле. И я знаю, как это сделать!” – говорил себе Иосиф.

Скрытный Иосиф однажды не остерегся и в разговоре с Яковом бросил фразу, мол, совсем не худо будет, если Бург создаст своих Големов – тогда в возникшей ситуации равновесия удастся избежать войны. В ответ брат упрекнул брата в наивности. Укор прозвучал вполне дружелюбно,

однако чиновник бюро по расследованию антидрорской деятельности всерьез обеспокоился, предвидя опасную заразительность такого направления мысли.

Разговор происходил в доме Ерэда, и Орпа все слышала. Она поспешила известить генерала о настроении главного ддорского ученого. Справедливости ради следует добавить, что еще до этого она передала Якову сведения о начале работ над собственным Големом в Бургандии.

Мысли о судьбах народов не могли целиком заполнить сердце Иосифа. Ученый – он еще и человек, мужчина в данном случае. Иосиф все чаще задумывался о бесплодном и холостом своем бытии. “Чем я хуже Якова или Ерэда? – беззвучно вопиял он, - не пора ли и мне отвесть женской ласки и услышать детский лепет в доме?” Бабым чутьем догадалась Орпа о сокровенных мыслях родственника и поделилась своей гипотезой с генералом – на всякий случай.

В кабинетах Комитета Спецопераций созрел в принципиальных чертах план похищения ддорской интеллектуальной собственности. Сообразно свойственной этому учреждению склонности к секретности и кодированию, плану был присвоен исключительный несанкционированный узнавание буквенный шифр “Было ваше стало наше”.

Первым делом генералу необходимо было получить документ с четким изложением принципиальных идей. Далее следовало выяснить тонкости их инженерного воплощения, а для этого требовалось завладеть чертежами, спецификациями и другими необходимыми вещами. Полученные материалы предполагалось отдать в институт Государственной Демонологии. Пусть ломают голову подготовленные на бурфаке специалисты в естественнонаучных областях знаний. Решение вопросов ресурсного обеспечения проекта являлось безусловной прерогативой главного старейшины.

Председателю Комитета Спецопераций чрезвычайно пригодились донесения Орпы о произошедших с Иосифом ментальных метаморфозах, а именно, об изменении отношения к браку и о возникновении в его голове пацифистских идей. “Добыть расположение Иосифа – первая и важнейшая часть плана, - рассуждал генерал, - и выполнить эту часть, то бишь завладеть душой гения, сможет только женщина – интеллигентная, многоопытно простодушная, очаровательная, нежная и так далее, и так далее. Следующий этап операции, вполне возможно, будет представлять собой гешефт, и его реализация потребует много денег для подкупа инженеров”.

По семейным обстоятельствам Орпа не могла принять на себя роль обольстительницы, хотя по прочим критериям она вполне соответствовала этому амплуа. Надо заметить, что отыскание в условиях Бурга еще одной агентессы было задачей сложной. Поэтому генерал досадовал на Орпу, хоть и не мог не признать, что ее вины нет. Раздражение, пусть даже и несправедливое, рождало в его бдительном уме тяжелые подозрения – а не служит ли молодая мамаша двум господам?

Кроме намеков профессиональной интуиции, председатель не располагал никакими прямыми или косвенными свидетельствами против Орпы. Тем не менее к его досаде добавлялся выработанный многолетней практикой Комитета принцип – необходимо избавляться от слишком много знающего агента. И если генерал не прибегал пока к применению сего правила, то нельзя исключить, что остроту его принципиальности притупляла гуманная составляющая комитетского устава. Те, кто считают такое предположение нереалистичным, имеют право думать, будто бы председатель Комитета Спецопераций вынашивал по отношению к Орпе некие любовные планы на будущее.

Как известно, кадры решают всё. Поэтому головоломная задача отыскания подходящей претендентки на роль цирцеи-разведчицы не могла не быть решена, и вскоре прелестная искательница приключений предстала перед генералом для окончательного утверждения ее кандидатуры.

Внедрение прекрасной дамы в среду дорского истеблишмента произошло по дипломатическим каналам на вечернем приеме в бюро по расследованию антидорской деятельности. Торжество состоялось в связи с завершением производства первой промышленной партии Големов. Одним из почетных участников приема был, разумеется, Иосиф. Начальник бюро представил присутствующим новое и очаровательное женское лицо, а Яков, в свою очередь, познакомил Иосифа с прекрасной дамой.

Теперь самое время заметить, что частное знакомство, на первый взгляд непритязательное, перевернуло ход истории, повлияло на судьбы стран и народов. С этого момента всё завертелось, закружилось и помчалось колесом.

Простодушие – легкая добыча искушенности. Прекрасная дама быстро и эффективно очаровала Иосифа. Они прикипели друг к другу. Он был неуклюж, а она великодушна. Он не умел танцевать, но получил прекрасный урок хореографии. Он увлеченно говорил о наслаждении наукой, а она слушала с благоговением, и ему льстили слова восторженного единомыслия из женских уст. Он непременно хотел проводить ее после незабываемого вечера, и после усилий мучительной борьбы со скромностью, она дала робкое согласие.

За первым знакомством последовали новые встречи. Прекрасная дама все больше и больше завладевала воображением ученого, в недавнем прошлом убежденного одиночки. Родители Иосифа наблюдали за развитием благопристойного романа, строили смелые прогнозы и даже размечтались о новых внуках. Ерд и Яков радовались за брата. Только Орпа была полна мистических опасений, но вследствие их необъяснимости предпочитала молчать. Как бы там ни было, но она сторонилась избранницы Иосифа, а та, чувствуя неприветливый холодок, тоже избегала встреч.

Настал день, и честный Иосиф признался в своих чувствах и попросил руки возлюбленной, но в ответ она залилась слезами.

- Ах, милый, я счастлива твоей любовью, но предложение не могу принять, хоть и боготворю тебя!

- Отчего, дорогая? Ты повергаешь меня в отчаяние!

- Я дала себе клятву, что соединю свою судьбу только с тем человеком, воззрения которого целиком совпадают с моими. Мужем мне может стать только убежденный пацифист.

- Мы столь горячо и много говорили об этом, милая. Ты сомневаешься во мне?

- О, дорогой Иосиф! Да разве я могу сомневаться в тебе? И все же... Помоги мне убедить самую себя, что войну ты абсолютно не приемлешь!

- Но ведь столько слов об этом было сказано!

- Да, слов! Но разве словами заменишь дела?

- Дела? Что должен сделать я?

- Я не знаю. Придумай сам!

- Кажется, я догадался, как уверить тебя. Я изложу на бумаге мои научные идеи, и документ сей мы перешлем в Бург. Там построят своих Големов по образцу наших, и равенство сил навек исключит войну. Я хорошо придумал?

- Прекрасная мысль! Но, боюсь, что туповатым бургандцам этого не хватит. Ведь от идеи до вещи путь не короток!

- Пожалуй, ты права. Я склоню к подвигу моих товарищей. Инженеры отдадут мне свои чертежи и схемы, и все документы вместе отправятся в Бург. Так воцарится вечный мир, и мы соединим наши судьбы!

- Я знала, дорогой, ты непременно придумаешь, как сохранить союз наш! О, как я люблю тебя, Иосиф! Мы поженимся!

План двух миротворцев – Иосифа и его невесты – был успешно осуществлен, и председатель Комитета Спецопераций получил всю необходимую для разработки Големов документацию. “Я свое дело сделал!” - доложил генерал на очередном совещании на высшем уровне. Глава Совета Старейшин с благодарностью пожал руку генералу. “Теперь мы с вами должны засучить рукава, не так ли, профессор? – с риторическим вопросом обратился старейшина к директору института Государственной Демонологии. “Принимаем эстафету!” – бодро ответил профессор.

Прожив известное время в Дроре, прекрасная дама по достоинству оценила прелести свободы и жизненных благ, была польщена любовью великого ученого, и, чего нельзя исключить, но и проверить невозможно, сама полюбила Иосифа. Выполнив задание родины, она подумала, что не худо бы повторить деяние Орпы. Иными словами, она решила выйти замуж и не возвращаться в Бург.

Увы, ужасное событие опрокинуло счастливые планы. Невеста Иосифа погибла в автомобильной аварии. Она управляла машиной в ночное время в горной местности. Неожиданно начался камнепад, и огромный валун выкатился на дорогу. Она не успела ни затормозить, ни свернуть на пустую встречную полосу. Автомобиль несколько раз перевернулся, и молодая женщина приняла смерть.

Излишне говорить, с какою огромной скорбью встретили трагическую новость Иосиф и его братья. А рухнувшие надежды родителей? Нет слов, чтоб передать горе семьи. Орпа тоже кручинилась, но своеобразно переживала удар. “Боюсь, паскудному генералу надоели свадьбы бургандских девок с дрорскими мужиками!” – цинично думала она.

Мысль Орпы была всего лишь догадкой, не более чем подозрением, на уликах не основанным. Но что толку в уликах, если еще из школьной программы она помнила важный принцип бургандского правосудия – подозреваемый не считается виновным, если он сам не признаёт себя таковым. “Поскольку никакого признания не предвидится, то и подозрения мои никогда не подтвердятся!” – решила она.

В свете событий, Орпа сочла уместным принять дополнительные меры безопасности. Она убедила Ерэда установить высокую ограду вокруг дома. Сменила кухарку. Завела двух собак, и

не только для охраны. Прежде, чем садиться за стол, она давала на испытание хвостатым сторожам приготавливаемую на кухне пищу.

Директор института Государственной Демонологии и глава Совета Старейшин ретиво взялись за дело. Профессор раздал выпускникам бурфака добытые в Дроре научно-технические документы. Ознакомившись с ними, свежееобученные молодые искатели славы составили перечень потребных материалов и неиспытанных доселе технологий, а также указали на неизбежность освоения новых производств. Результат произвел ошеломляющее действие на главного старейшину.

Казалось бы, всего-навсего нужно создать искусственных человечков – что уж тут грандиозного? Ан нет! Оказывается, для сборки синтетического объекта необходимы высочайшей чистоты материалы и сложнейшие комплектующие детали. А, главное, требуется настройка искусственных мозгов таким образом, чтобы построенные Големы умели совращать людей.

- Непочатый край работы перед нами, - заметил профессор.
- К делу приступать пора! – нетерпеливо провозгласил старейшина.
- Цену заплатим огромную...
- Ничего не поделаешь – по товару цена!
- Бедны мы против Дрора, но, как видно, нищета цены не ждет, - согласился профессор.
- Вот и хорошо, что ученый понимает это. Пора в дорогу. Как говорится, даже путь в тысячу миль начинается с первого шага.
- Нам предстоит небывалое: трудов годы, а добыча – песчинка!
- Земля наша без края, все потребное найдется. Тонны руды изведем ради нужных любимой стране граммов!
- Рабочих учить профессиям надо...
- Дело не хитрое: не умеешь – научим, не хочешь – заставим!
- А не взбунтуются?
- Забываете, профессор: родной Комитет Спецопераций не даром хлеб ест! – напомнил старейшина.
- Конечно-конечно! – поспешил заверить профессор.
- Приведем в движение миллионов сердца!
- И снищем славу!
- Наша слава – бургандская держава, вот где наша слава! – торжественно закончил главный старейшина.

Годы упорного труда принесли плоды. Бург создал своих собственных Големов. Первые образцы были опробованы, и результаты в целом вызвали одобрение властей. Бургандские Големы оказались менее эффективными, чем дрорские. Однако бесконечность ресурсов позволяла компенсировать качественные недостатки количественным преобладанием. “Количество имеет свое качество!” - поучал главный старейшина.

Проверка действенности нового оружия проводилась на гражданах Бургандии. Испытуемые Големы более или менее успешно сумели свратить нескольких идеологически устойчивых бургандцев. Те публично отреклись от основ руководящего учения, а затем стали принародно провозглашать враждебные Бургу идеи. Председатель Комитета Спецопераций потребовал показательного суда и последующего наказания отступников.

Гуманный директор института Государственной Демонологии возразил, мол, подвергшиеся действию Големов бургандские граждане ни в чем не виноваты, ведь они стали жертвой применения секретного оружия. “Наоборот, этим людям положена компенсация за моральный ущерб, понесенный ими ради безопасности страны, - заявил профессор. “Это объяснение слишком сложно для рядового бургандца. Не забывайте, мой дорогой, что народ должен твердо знать простую вещь – за измену родине кара неотвратима!” – сказал в ответ генерал и мысленно отметил глупость оппонента.

Орпа довела до сведения Якова, как на заседании Ассамблеи главный старейшина официально заявил, что секрета Големов более не существует. Яков, высокопоставленный чиновник бюро по расследованию антидрорской деятельности, приуныл и укорил себя: “Мы ведь знали о намерениях Бурга, могли остановить их проект, но не решились. А я смотрел сквозь пальцы. Наказаны мы все. Бедствие всесветно и навсегда”.

10. Страх лучше смерти

Председатель Комитета Спецопераций предполагал, что получение технической информации от инженеров Дрора будет представлять из себя некий гешефт и поэтому затребовал и, разумеется, получил огромные суммы из государственного бюджета Бургандии на подкуп дрорских специалистов. Однако Иосиф заразил своих младших соратников серьезной формой пацифизма, и они передали ему свою документацию бескорыстно.

Таким образом, государственные средства на эксплуатацию человеческого фактора не были освоены. В коридорах власти Бурга только лично генерал знал об этом, ибо, по понятным каждому разумному бургандцу причинам, расходы Комитета Спецопераций являются строго секретными данными. Выдвижение гипотез о возможных направлениях фактического расходования полученных из казны фондов автор оставляет на произвол многоопытных и проницательных читателей.

Создание Големов – смертельного оружия – сначала в Дроре, а затем в Бурге, лишило смысла решение вопроса об абсолютной гегемонии какой-либо одной из сторон. Однако великое открытие человеческого ума ни в коей мере не повлияло на столь различные врожденные свойства бургандцев и дрорцев. Эти страны остались приверженными каждая своей природе безотносительно к возможности или невозможности достижения превосходства.

Что, однако, происходило у подножия Поклонной горы после свершений описанных выше событий эпохального значения? Как мы помним, Бург отправил представительство на поклон к Вышнему, дабы молитвами и песнопениями склонить Его к объявлению Бургандии мировым

гегемоном. Иными словами, бургандский народ желал признания своей идеологии боговдохновенной, справедливо полагая в таком акте Вышнего незыблемую и вечную гарантию Небес.

Дрор тоже послал на Поклонную гору своих плакальщиков. Тамошние власти скептически относились к идее привлечения Вышнего для помощи в достижении каких-либо мирских целей, не усматривая в сближении с Ним никаких серьезных практических перспектив. Делегация Дрора была направлена в основном с намерением пропаганды дрорского образа жизни, а также на предмет более глубокого изучения психологии оппонентов.

Члены обеих экспедиций разбили у подножия Поклонной горы легкие временные лагеря, которые мало-помалу обрастали, говоря современным языком, социальной инфраструктурой. Постепенно установились контакты между посланцами двух враждующих стран. Происходило сближение делегатов Бурга и Дрора, сначала робкое, а затем все более тесное, переросшее, наконец, в дружбу.

Здесь напрашивается любопытная аналогия. Процесс сплочения делегатов разных общественных систем был подобен действию земной гравитации. То есть, если движение груза вверх требует приложения внешней силы для преодоления притяжения земли, то спуск вниз происходит сам собою под действием того же земного притяжения. Значит, подъем труден, а спуск – прост. Вспомним, что бургандская идеология высока, а дрорская низка. Поэтому в процессе сближения, бургандцы, обладатели высокого духа, принимали взгляды дрорцев, людей низкодуховных, но не наоборот. Как и следовало ожидать, наблюдалось движение сверху вниз, а не снизу вверх.

Обретение Дрором и Бургом стратегического оружия в виде Големов не могло не повлиять на отношение стран к вопросам демонологии и божественной опеки. Дрор предпринял решительные шаги. Им были прекращены контакты с Асмодаем и его подданными, а также отозвана экспедиция на Поклонную гору.

Бург не захотел окончательно порывать с шедами и их царем, хотя существенно снизил спрос на демонологические услуги. Что касается продолжения деятельности экспедиции на Поклонную гору на поклон к Вышнему, то на совещании у вновь сменившегося главы Совета Старейшин было принято решение пока не ликвидировать посланничество. Во-первых, расходы на его содержание заметно сократились, ибо основная часть членов делегации сбежала в Дрор вместе с их новыми товарищами. Во-вторых, руководство Бурга продолжало дожидаться пробуждения Вышнего, все-таки надеясь получить моральную поддержку Небес.

Теперь следует упомянуть о серьезных отношениях, возникших между главой бургандской делегации и прекрасной Лилит. Вечерами, когда ангелы отходили ко сну, эта чудо-женщина спускалась с вершины Поклонной горы к своему новому избраннику и проводила с ним ночи, полные ласк и любви.

Однако мы вынуждены констатировать, что страсть Лилит постепенно угасала. Возможно, тому причиной было чрезмерное увлечение ее возлюбленного упомянутым прежде снадобьем, коим он ежевечерне услаждал себя. По мнению Лилит, популярная в бургандской среде жидкость снижала накал его чувств. А, возможно, ее тревожили нашептанные завистниками слухи о прежнем непостоянстве партнера. Как бы там ни было, пламя любовного костра становилось все ниже, а дым раздумий – все гуще.

Вскоре у подножия Поклонной горы случилось происшествие скандального свойства. Руководитель бургандской экспедиции, употребив по своему обыкновению изрядное количество бодрящего напитка, пошатываясь, вошел в дом, полагая найти там ожидавшую его Лилит. Возлюбленной он не увидел. Огляделся. Заметил разбросанные по полу предметы дамского туалета и сразу установил их принадлежность. Блузка была порвана, и этот факт чрезвычайно насторожил любовника – перед глазами его прошли фантастические сцены нетерпеливой страсти и гнусной измены.

- Женщина, не вижу тебя! – закричал бургандский посланник, однако ответа не последовало.

- Негодная, от меня не скроешься! – громче прежнего возопил он, но лишь тишина отозвалась на отчаянный вопль.

Он бросился к закрытой двери, ведущей в смежную комнату, и еще более возвысил гневный свой голос.

- Эй, выходи, коли жизнь дорога!

И тут он услышал сердитый стук женского кулачка в дверь с внутренней стороны, и голос той, которую искал.

- Убирайся! Я с Асмодаем! Я с Асмодаем!

Глубочайший шок постиг руководителя бургандской экспедиции. Хмель его мгновенно испарился, и он верно оценил ситуацию. Меньше всего ему хотелось отведать ножных и ручных когтей Асмодая. Начальник покинул собственное жилище, осторожным шепотом извергая хулу на неверную подругу: “Лилит, дьяволица, тебя я презираю! К любовнику ушла ты от меня и похоти позорно предалась!”

Да, жизнь преподносит сюрпризы. Асмодай соскучился по бывшей своей супруге, и вновь предложил ей приблизительно то, что благонравный жених предлагает скромной невесте. Впрочем, точный смысл его слов не известен. Лилит тоже истосковалась по настоящему мужчине. Общество ангелов на вершине Поклонной горы претило ей, а бургандский пьяница оказался негодной заменой прежнему мужу.

Так вновь сошлись бывшие супруги. Разумеется, совестливая Лилит не сочла возможным дальнейшее пребывание в окружении целомудренных ангелов и покинула Поклонную гору ради возродившегося союза с Асмодаем. А тот, занятый в Бурге на половинную ставку, имел теперь много досуга для следования общим с Лилит интересам. К тому времени он успел в достаточной степени, как ему казалось, осуществить свой первоначальный замысел изучения нравов бургандцев и дрорцев.

Униженный руководитель бургандской экспедиции сгоряча задумал составить официальное послание в Совет Старейшин с обоснованием ненужности продолжения его миссии. Однако, по здравом размышлении, он решил не делать этого, ибо большинство рядовых членов делегации сбежали с дрорцами. За столь серьезную халатность, допущенную в политико-воспитательной работе с коллективом, ему, в случае возвращения в Бург, грозило бы пожизненное заключение в застенках Комитета Спецопераций. Поэтому он вместе с последними из оставшихся с ним соотечественников стал готовиться к тайному убийству в Дрор.

Верная своим представлениям, Орпа продолжала деятельность, вместе полезную и вредную для обеих стран. Конечно, пыл двойной лояльности несколько остыл, но эта перемена отнюдь не являлось следствием ослабления ее чувств к старой и новой родине, но произошла по внешним причинам объективного характера. А именно: ввиду решительного изменения военно-стратегической ситуации с появлением Големов, накал соперничества между Бургом и Дрором снизился. Противостояние перешло в фазу позиционной борьбы, строящейся на накоплении мелких преимуществ. Говоря языком шахмат, партия текла ровно и продвигалась в направлении к ничьей.

Итак, Орпа периодически снабжала информацией и Якова, и генерала. Она очень надеялась, что каждый из них видит лишь одну сторону монеты, а о другой стороне в худшем случае только подозревает. В свое время ей удалось усыпить бдительность Якова, хотя глубина сна оставалась для нее величиной неизвестной. Трагическая кончина невесты Иосифа заставила Орпу опасаться генерала больше, чем Якова. “Навести сон на председателя Комитета Спецопераций далеко не просто, и око его недреманно!” - поняла она.

Тем не менее отважная Орпа не прекращала передавать донесения в обе стороны. “Не могу поступиться принципами! - говорила себе искушенная агентесса и молодая мать, - мое отвращение к генералу не убавляет моей любви к Бургу. Истинный патриотизм есть чувство к стране и народу, а не к отдельной личности!”

За высоким забором и под охраной двух огромных псов развивалась и крепла молодая семья Ерэда и Орпы. Первенец радовал родителей хорошим аппетитом, пухлым тельцем и умильными складками на ручках и ножках. По утверждению врачей, младенец развивался прекрасно. Орпа снова понесла, что ничуть не мешало ее занятиям делами государственной важности. Передающим звеном в секретной цепи по-прежнему был Кешер.

Однажды, после передачи очередного донесения в Бург, вернувшаяся домой агентесса почувствовала слабость и тошноту. “Что ж, я в положении, дело житейское, полежу – пройдет!” – успокоила она себя и устроилась на диване. Однако недомогание усиливалось, появился жар во всем теле, Орпа начала бредить. Состояние жены повергло в панику вернувшегося домой Ерэда. Он приказал служанке покормить бутуза из бутылочки, а сам срочно повез Орпу в больницу.

К утру разразилась жестокая драма. Состояние пациентки стало критическим. Из больницы лаборатории сообщили, что в легких Орпы, а также на ее одежде обнаружены следы дебютанта. Яд предназначался для членов всей семьи. Месяц назад почти все жители Дрора получили прививку от бургандской пагубы. Однако созданная дрорскими учеными вакцина была запрещена для беременных женщин и младенцев.

К вечеру Орпа скончалась. Неотлучно находившемуся при ней несчастному мужу и отцу пришлось из дома известие о смерти младенца. Загодя получившие спасительный укол Ерэд, Яков, Иосиф, их мать с отцом и родители жены Якова, слава богу, не пострадали.

Сразу после похорон Яков направил своих детективов по следам предполагаемого преступления. Им удалось выяснить, кто был тот человек, с которым Орпа виделась последним. Сыщики немедленно выехали на стоянку машин, где трудился Кешер. Начальник стоянки сообщил им, что еще накануне иностранный рабочий Кешер внезапно потребовал расчет и, получив его, немедленно отбыл к себе на родину в Бург.

Яков терзался сознанием собственного бессилия против очевидного преступления. Он вспомнил, как Орпа как-то рассказывала ему об удивительной особенности бургандской юриспруденции: представитель власти Бурга считается виновным только при условии

признания им собственной вины. В противном случае он невинен. “Эти парни – властители Бурга – святые, так сказать, по умолчанию, - рассуждал Яков, - жаль, не действует простое правило – покуда святые не докажут свою невиновность, их следует считать виновными!”

Тяжкие думы о семейных бедствиях и о недостижимости отравителей заполняли передний план размышлений Якова. Но фон, пожалуй, был еще горше. Мысленно он безжалостно корил себя за бездействие против создания бургандских Големов. “Возвысь я голос вовремя, - думал Яков, - и мой могучий Дрор остановил бы лиходейский проект и избавил бы землю от вечного зла, а Бург – от соблазна злонамерений. Увы, не произошло этого, а то, что произошло, стало торжеством страха. Одно утешает – деяние Иосифа и его несчастной невесты, да упокоится душа ее, отодвинуло войну”.

Случись быть войне меж обладателями Големов, тогда под корень уничтожили бы враги друг друга, да и всей земле не поздоровилось бы. Поэтому страх войны породил мир страха. Бургандские оптимисты говорили, дескать, страх лучше смерти. “Смерть хуже страха!” – на свой лад переворачивали это неравенство пессимисты. Но истинные патриоты Бурга верили, что страх хуже смерти, а находились совсем отчаянные, кричавшие во всеуслышание: “Лучше страшный конец, чем страх без конца!”

А какие голоса раздавались по этому поводу в Дроре? Пожалуй, никаких голосов слышно не было. Жители города и страны мало думали о всяких пустяках, уверенные в себе и довольные собою. Дрор продолжал охотно устраивать у себя беглецов из Бурга, который, в свою очередь, ни под каким видом не принимал перебежчиков из враждебного лагеря, ввиду отсутствия последних.

Взаимные чувства двух городов друг к другу не претерпели радикальных изменений: дрорцы оставались сравнительно терпимыми по отношению к противнику, а Бург пестовал враждебность.

Верно говорят, что нельзя любить ни того, кого боишься, ни того, кто тебя боится. Но верно и то, что привычка смягчает страх.

Имевшие место события мирового масштаба снизили градус общественного оптимизма Бургандии. Но в то же время стали заметны некоторые отрадные перемены в стране. Скажем, на службу представителей высшей власти были поставлены доставляемые из Дрора автомобили. Но при этом роль гужевого транспорта в Бурге оставалось по-прежнему главенствующей. Изменения и нововведения затронули и некоторые другие области жизни и быта бургандцев.

Хитрая и с далеким прицелом открытость дрорцев не вводила в заблуждение зорких и дальновидных обывателей Бургандии. Не желая становиться на одну доску с низшим по духу Дрором, власти Бурга изрядно подняли в высоту и основательно укрепили в толщину городские стены, не ослабляя при этом охрану города от нашествия коварного противника. Оборону поручалось держать знакомой читателю четверке стражей, возглавляемых старшим сержантом. Заступая на пост или покидая его, бойцы перекликались, как делали это и прежде. Теперь, к сожалению, в перекличке слышались нотки уныния.

- Все вообще теперь идет со скрипом, - кричал первый охранник.

- Нет, не сказать, что мы совсем застряли, - возражал второй.

- Движенье есть, движенье происходит! – принимал эстафету третий.

- И нас никто не обгоняет! – радостно заключал четвертый.

- Однако, как мало похоже это на былую скорость, - резюмировал подошедший для смены караула старший сержант.